

A man and a woman are sitting back-to-back on a lush green lawn. The woman, on the left, is wearing a colorful, patterned dress with a yellow ruffled hem and has her hands buried in her hair, looking down with a sad expression. The man, on the right, is wearing a white polo shirt and blue jeans, also looking down with a somber expression. The background is a soft-focus green field with some yellow wildflowers.

**Татьяна
Герцик**

**Вынужденный
брак**

Татьяна Герцик
Вынужденный брак

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Вынужденный брак / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2012

Евгений Георгиевич, генеральный директор крупного концерна, не может допустить, чтобы внучка росла без отца, и заставляет сына жениться. Но принесет ли счастье этот вынужденный брак?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Герцик

Вынужденный брак

Глава первая

Двое мужчин мрачно смотрели на неопрятную кучу мусора, спрятанную между двумя отдаленными заводскими корпусами. Евгений Георгиевич, генеральный директор объединения «Моторостроитель», с недовольной миной обернулся к своему заместителю Николаю Ивановичу:

– Николай! Это что такое?

Тот скорчил изумленную физиономию и широко развел руками, показывая, что он в таком же недоумении, как и шеф. Немного насмешливо подсказал:

– Безобразие это!

Генеральный не поддержал дурашливого тона своего зама. Строго указал:

– Конечно! Давай немедленно займись ликвидацией этой свалки! И смотри, через неделю проверю!

Ехидный Николай Иванович покосился на светлые брюки генерального, украшенные экстравагантными мазутными пятнами и, как он подозревал, послужившие поводом для начальственного недовольства. Нарочито простодушно заметил:

– А чего бахилы-то не надел, Евгений? И проблем было бы меньше. По крайней мере, штаны чистить не надо было.

Сам он предусмотрительно натянул на коротковатые ноги высокие кирзовые сапоги, позаимствованные в каптерке у слесарей, и теперь с некоторым превосходством посматривал на недальновидного начальника. Тому не понравился этот вызывающий взгляд, и он директивным тоном указал:

– Николай Иванович, все мои замечания записаны? А то мне свиношник, в который превратился наш завод, совершенно не понравился.

Заместитель по-солдатски вытянулся и отчеканил, создав странное утробное эхо, заставившее окружающих их начальников цехов уставиться на них подозрительными взглядами:

– Всё будет исполнено, Евгений Георгиевич! Правда, желтую карточку надо показывать не мне, а нашему начальнику хозяйственной службы. Он немногим меньше меня зарплату получает.

Генеральный сухо заметил, со злостью разглядывая грязные ботинки и вспоминая, где мог залезть в мазутную лужу:

– Пал Геннадьевич под твоим началом, вот ты с ним и разбирайся. И учти – если через неделю порядка не будет – берегитесь оба!

Зам решил не возражать. Он же не дурак – спорить с пышущим праведным гневом шефом. Развернувшись, начальники быстрым шагом пошли в сторону заводоуправления, заставив работяг с некоторым пренебрежением посмотреть им вслед. Несмотря на смену формации, у бывших гегемонов осталось внушенное советской властью чувство превосходства над гнилой интеллигенцией.

Евгений Георгиевич размашисто шагал по растрескавшейся асфальтовой дорожке и злился от обилия недочетов. Во все дыры ему всё равно не влезть – он один, а объединение огромное. Да и замов у него полно. Взять хотя бы Николая. Эх, постороже надо бы с него спрашивать, но как? Они же закадычные друзья. В молодые годы даже ухаживали за одной девушкой, выбравшую Николая.

Но Евгений об этом не жалел. Как в старой песенке «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло»? Николай давно уже развелся, а Евгений встретил милую девушку и с тех пор удачно женат. Он принапрягся, припоминая, сколько же лет прошло с той поры? Двадцать пять, двадцать семь? Так и не вспомнив, бросил это непродуктивное занятие.

Подошли к ухоженному зданию заводууправления. Фасад, выложенный бутовым камнем, выглядел солидно и надежно. В цветнике, раскинувшемся перед входом, пышно цвели приятные для глаз голубые и синие цветы. От пущенного месяц назад фонтана веяло приятной прохладой. Что ж, неплохо. Если бы в таком состоянии была вся огромная территория объединения, ему нечего было бы стыдиться.

Охранник в привычной камуфляжной форме, знавший, как и положено, всё начальство в лицо, молча, не требуя документы, повернул вертушку, и они поднялись по широкой лестнице на третий этаж. Дошедший до своих апартаментов зам исполнителем приложил руку к козырьку воображаемой фуражки, умиротворяюще воскликнул:

– Всё будет сделано! – и скрылся в глубине своей приемной, где навстречу ему метнулась секретарша с увесистой пачкой бумаг наперевес.

Генеральный заметил, как зам, спасаясь от трудолюбивой Виктории Степановны, зайцем запрыгнул в свой кабинет и захлопнул дверь перед самым ее носом. Возмущенно погрозив кулаком запертой двери, та была вынуждена раздосадовано вернуться за свой стол.

Заметив наблюдающего за ней директора, изобразила вежливую улыбку, больше похожую на оскал крокодила, недовольного ускользнувшей добычей. Евгений Георгиевич дружелюбно кивнул в ответ и двинулся дальше по коридору.

Новое ковровое покрытие нейтрального темно-серого цвета мягко пружинило под ногами. Он опасливо посмотрел назад. Грязных следов за ним вроде нет, недаром он старательно вычистил ботинки у входа: не хотелось показывать пагубный пример подчиненным. Он прекрасно знал силу убийственной формулировки: «а сам-то».

Евгений Георгиевич постоянно чувствовал глядящие ему в затылок подозрительные глаза, ждущие, когда же он наконец оступится и станет таким же, как все. А то небожитель какой-то: ни любовниц, ни поездок по заграницам за казенный счет, ни скандалов при очередных проверках.

Он так и слышал сомневающийся шепоток по углам: уж больно всё красиво, скоро, небось, кончится! И почему в России так любят выискивать криминал там, где его нет? Наверное, для того, чтобы все были одного, желательно черного, цвета.

Подойдя к своему отсеку, услышал незнакомый голос, чуть приглушенный прикрытыми дверями. Не заходя внутрь, прислушался. Кто это смог прорваться через охрану? Для встречи с ним была нужна предварительная договоренность, а на ближайшие два часа никаких встреч у него запланировано не было.

Это он знал точно, потому что его так называемая секретарша, устроенная на это место по настоянию жены и приходившаяся ей родной племянницей, была девушкой на редкость рассеянной, и забывала всё, что входило в ее прямые обязанности. Будь он молодым и неженатым, тогда б ему, конечно, перепала б некая толика ее внимания, но, поскольку он был всего-навсего тетиным мужем, она не желала тратить на него свое драгоценное время.

Маша предпочитала целыми днями болтать по телефону с кавалерами, считая, что дядька с надоевшей работой и сам вполне справится.

С тех пор, как его замечательная секретарша Софья Викторовна в шестьдесят пять лет удалилась на совершенно заслуженный отдых, он был вынужден работать и за нее. Хорошо хоть, что по штату ему полагалась машинистка, а то бы и бумаги пришлось печатать самому.

Если бы Машенька не доводилась ему племянницей, он давно бы с такой работницей расстался. А теперь что же? Оставалось только терпеть. Когда он, не выдержав, жаловался жене на нерасторопность помощницы, Лариса мирно его утешала:

– Не волнуйся, она еще ребенок. Вот пооботрется, привыкнет, научится, и всё пойдет как надо. Ты, главное, не ругай ее. Она ведь такая впечатлительная девочка!

Вот и приходилось терпеть, когда впечатлительная девочка забывала о важных встречах или путала адреса в отправляемых партнерам письмах. И слова ей сказать не могли! На простой вопрос: где письмо от такого-то – она начинала хлюпать носом и с криком: Я не думала, что вы такой, дядя Женья! – кидалась в служебную комнатку при приемной, где заливалась горячими слезами.

В результате все важные письма генеральный директор хранил в собственном кабинете, а переписку перепоручил машинистке, увеличив ей оклад. И считал дни, оставшиеся до очередного поступления племянницы в университет, с ужасом думая о возможном провале.

Но сейчас soprano обычно уверенной в себе девушки звучало на редкость робко, будто она пыталась отвечать невыученный урок. Четкий голос посетительницы, наоборот, разносился по всей немаленькой приемной, словно усиленный динамиком. Не желая того, генеральный услышал:

– Машенька, я понимаю, что он твой начальник и родич к тому же, но мне обязательно нужно попасть к нему по очень важному делу.

Секретарша всё же попыталась выполнить свой прямой долг и прошелестела:

– А по какому вопросу, Наталья Владимировна? Мне ведь нужно доложить Евгению Георгиевичу...

Посетительница твердо ответила, не допуская праздного любопытства:

– По личному, Машенька, по личному!

Та вконец смешалась и смогла лишь невнятно пробормотать:

– Понимаете, Наталья Владимировна, он ушел, а когда вернется, не знаю.

Судя по произведенному шуму, посетительница подвинула кресло поближе к журнальному столику, устраиваясь поудобнее. Сквозь шелест переворачиваемых страниц какого-то иллюстрированного журнала, во множестве закупленных специально для ожидающих аудитории посетителей, Евгений Георгиевич расслышал небрежное:

– Ничего, я его обязательно дождусь!

Недоумевая, откуда такое настойчивое внимание к своей персоне и негодуя на странное поведение племянницы, главной служебной задачей которой было «не пущать», раз уж ни на что другое не способна, генеральный вышел из укрытия и шагнул внутрь приемной.

В кресле возле двери сидела чопорного вида дама средних лет в черном, застегнутом на все пуговицы костюме, белоснежной блузке и черных туфлях на низком каблуке. Собранные низко на затылке в тугий пучок русые волосы выглядели как искусственные: из прически не выбился ни один непослушный волосок. Развернутые плечи и слишком прямая спина говорили о ее готовности к тяжелой схватке.

Евгений Георгиевич немного призадумался: с кем же она приготовилась драться? Не с ним же? Они не знакомы, это точно. Он наверняка бы запомнил это незаурядное лицо. На улице стояла изнуряющая жара, и Евгений Георгиевич, чтобы не задымиться, был в одной светлой рубашке с короткими рукавами.

Но посетительнице, похоже, жара была нипочем. Она тика в тикку подходила под некий стандартизированный образ учительницы: строгой, но справедливой.

При его появлении она подняла голову и посмотрела на него почему-то зло заблестевшими глазами. Он невольно отметил, что, если бы не холодное выражение лица, ее вполне можно было бы назвать хорошенькой: синие глаза и правильный овал лица делали ее похожей на известную актрису сороковых годов. Но враждебно приподнятые брови предупреждали: руками не трогать!

Он язвительно подумал, что для полного соответствия облику мудрого педагога ей не хватало круглых совиных очков, чтобы закрыть слишком синие для ее бледного лица и поэтому кажущиеся пронзительными глаза.

Женщина невольно внушала уважение и он, вместо того, чтобы с ходу отказаться от навязанной ему встречи, слегка поклонившись, корректно поинтересовался:

– Добрый день! Чем могу служить?

Посетительница встала, надменно вскинув круглый подбородок, и сдержанно попросила:

– Можно с вами поговорить? Конфиденциально?

Он устало кивнул головой, не понимая, почему соглашается, и попросил племянницу:

– Маша, приготовь нам кофе!

Та без обычной недовольной гримасы, к которой он за последние месяцы уже привык, с непривычной расторопностью бросилась в небольшую кухню, где с воодушевлением начала выдвигать ящики стола, выискивая самый дорогой сорт кофе.

Евгений Георгиевич с посетительницей вошли в кабинет. Мужчина воспитанно пропустил даму вперед, плотно притворил за собой двери и приглашающим жестом указал на черный кожаный диванчик напротив своего кресла. Она спокойно села, с достоинством уложив тонкие кисти на полированный стол.

У генерального появилась уверенность, что к стандартным просьбам о помощи, которыми его донимали директора различных муниципальных образований и представители общественных комитетов, этот визит отношения не имеет. Более того, он предчувствовал, что грянут неприятности. И большие.

Сел за свой стол, зачем-то переложил ручку с правой стороны стола на левую и только тогда вопросительно поднял глаза. Женщина оценивающе смотрела на него своими пронзительными глазами, и ему вспомнилась тридцатилетней давности защита дипломной работы, когда профессорша из конкурирующего университета, из вредности присутствующая на экзаменах, смотрела на него таким же неприятно-критическим взглядом, от которого он забывал прописные истины.

подавив вспышку раздражения, нейтрально спросил:

– Что вас ко мне привело? – тут он сделал многозначительную паузу, намекая, что не плохо бы ей наконец сообщить ему, кто она такая и что тут делает, и сам посмотрел на нее так же вызывающе, как она на него.

Но она не смешалась, как он ожидал, а просто кивнула каким-то своим мыслям и представилась:

– Наталья Владимировна Торопова, как вы, думаю, уже догадались, учитель. Начальных классов. Когда-то учила и вашего сына.

Прозвучавшее в ее словах недовольство заставило его пристальнее взглянуть на ее сосредоточенное лицо. Она продолжала, глядя в окно, будто вспоминая те далекие дни:

– Правда, вы в те времена в школе не побывали ни разу, я это четко помню, потому что все отцы, бывшие в наличии, за четыре года хоть раз, да появились в школе. Не знаю, то ли это вы так заняты были, что вам было не до единственного ребенка, то ли вас жена до этого важного дела не допускала. Интересно, этот статус-кво сохранился и вы по-прежнему не в курсе, чем занимается ваш отпрыск?

Он растерялся. Таким тоном с ним разговаривала, бывало, мать, когда бывала им недовольна, но матери нет вот уже третий год. И вдруг он понял.

– И чем же вам досадил Юрий? Ведь вы из-за него ко мне пришли?

Наталья Владимировна перевела на него потемневшие глаза, и тем же менторским тоном произнесла:

– Моя дочь ждет ребенка. И отец – ваш замечательный сынок.

Евгений Георгиевич судорожно сглотнул. Вот так известие! Не то, чтобы он уж вовсе не ожидал ничего подобного, всё-таки Юрию двадцать седьмой год пошел, но вот таким макаром он эту новость услышать никак не рассчитывал.

Не дождавшись от собеседника никакой реакции, посетительница приподнялась и горько добавила:

– Что же, для вас, как я и предполагала, это не событие. У вас таких несостоявшихся внучат, видимо, полно. Ну, извините, больше я вас не побеспокою! – и быстро пошла к двери.

С трудом выйдя из ступора, в который его вогнала столь сногсшибательная весть, Евгений Георгиевич вскочил и перегородил дорогу, непочтительно ухватив женщину за локоть. В это время дверь отворилась и вошла Маша с полным подносом.

Увидев дядю, интимно державшего за руку посетительницу, обескуражено пискнула и попятилась обратно. Чертыхнувшись, Евгений Георгиевич выхватил у нее из рук опасно накрепившийся поднос и поставил на стол. Не слишком вежливо вытолкав обомлевшую племянницу за дверь, крикнул ей, что занят и никого не принимает.

Защелкнул замок, вызвав этим неосмотрительным поступком множество подозрений и, почти насильно усадив Наталью Владимировну обратно, заботливо пододвинул к ней чашечку кофе.

– Не знаю, как вам, а мне просто необходимо подкрепиться.

Гостья взяла кофе и поднесла к губам, молча обводя взглядом большой кабинет. Она по опыту знала, что вещи, окружающие человека, зачастую говорят о нем больше, чем его дела и поступки. Поступки могут быть вынужденными, а вот вещи покупаются, как правило, по велению души. Первым делом она осмотрела окно. Если там стоят цветы, значит хозяин человек добрый и порядочный.

Она не знала, откуда у нее такой убеждение, но оно накрепко засело в ней с детства. На подоконнике и на красивых цветочных стойках по всему кабинету привольно росли и цвели разнообразные представители цветочной флоры. Они казались вполне довольными своей жизнью, и Наталья Владимировна несколько успокоилась.

А вот мебель, на ее взгляд, была тяжеловата – из массивного темного, явно очень дорогого, дерева, кресла и диваны с сиденьями из натуральной черной кожи. Смотрелась она, конечно, очень внушительно, но вряд ли в такой суровой обстановке было приятно работать. Впрочем, цветы и шкаф, полный книг, смягчали официальность кабинета.

Она перевела взгляд на хозяина этого великолепия. Для генерального директора такого огромного объединения он был на редкость прост в общении. Или это просто маска? Не похоже – лицо непритворно озабоченное.

Красив – твердое лицо, пронизательные карие глаза и поседевшие на висках светлые волосы. Привлекательное открытое лицо. Именно такое, какие выискивают для отделов по связям с общественностью. Но требовательный – не хотелось бы ей быть его проштрафившейся подчиненной.

Они безмолвно потягивали напиток, искоса посматривая друг на друга, как боксеры на ринге. Наконец хозяин со стуком поставил на стол опустевшую чашку и ринулся в бой.

– Насколько я понимаю по вашему неприязненному виду, свадьба в данном случае не планируется?

Она бесшумно поставила обратно свою чашку с недопитым кофе и зло подтвердила:

– Абсолютно! Ваш сынуля заявил Саше, что она лишь непродолжительный эпизод в его длинной жизни и пусть выворачивается, как знает, он ей ничего не обещал. – Она с вздохом склонила голову. – Я ее не оправдываю: двадцать лет, должна бы хоть что-то соображать. Но боюсь, что она влюбилась. Впервые. И потеряла голову, как каждая влюбленная женщина. – И с вызовом посмотрела в его внимательные глаза. – У меня прекрасная дочь. Мы, конечно,

и сами воспитаем малыша. Просто мне хотелось, чтобы вы о нем знали. На вашего сына я не рассчитываю.

Он машинально отметил, что Наталья Владимировна ни разу не назвала Юрия по имени. Хотя по неприязни, звучащей в ее голосе, употребляемый ею термин «ваш сын» вполне заменял собой непечатную лексику. Евгений Георгиевич посмотрел на часы – до назначенной встречи с поставщиками оставалось еще полчаса.

– Дайте мне ваш адрес, пожалуйста, мне хочется поговорить с вашей дочерью.

Наталья Владимировна с колебанием взглянула на его напряженное лицо. Отец Юрия оказался вовсе не таким, каким она его себе представляла, вспоминая его манерную слащавую жену. Зря она сюда пришла, не сделала бы хуже.

Потерла лоб и признала, что необдуманные спонтанные поступки всегда были ее бичом. Дочка вообще не знает, что она отправилась сюда, и появление в их доме Евгения Георгиевича может для нее стать настоящим потрясением. Приподнимаясь, отрицательно протянула:

– Вы знаете, не стоит. Не думайте, пожалуйста, что нам что-то от вас нужно. Мы прекрасно справимся без вас.

Евгений Георгиевич успокаивающе поднял руку, останавливая ее.

– Никто и не сомневается в ваших способностях всё на свете решить самостоятельно. Просто, как вы правильно заметили, и мы с женой имеем право знать, что у нас будет внук или внучка. И, даже если вы мне и не скажете, где живете, найти вас не проблема. Моя секретарша, похоже, вас хорошо знает. Видимо, ее вы тоже учили?

Наталья Владимировна неохотно кивнула.

– И ее, и Толю из охраны. Видимо, я была неплохим учителем, если они меня так хорошо запомнили. Я их, впрочем, тоже. Фамилии забылись, а вот имена помню.

Он протянул ей лист бумаги и ручку. Немного поколебавшись, она всё же написала адрес и телефон и пошла к двери, сочтя визит оконченным.

– Приходите, но только не сегодня. Мне надо подготовить дочь. Лучше в пятницу, хорошо?

Евгений Георгиевич, по долгу хозяина провожающий гостью к выходу, понимающе наклонил голову и в нарушение всех правил этикета первым протянул на прощанье раскрытую ладонь. Она с опаской на нее посмотрела, но вложила свою узкую руку. Он крепко ее пожал, на мгновение почувствовав легкий трепет и озадачившись, что же это с ним такое.

После ее ухода сел в кресло, положил отяжелевшую от дум голову на спинку и засмотрелся на пробегающие по небу кружевные облака. Что же ему предпринять? В его молодости из такой ситуации выход был один – женитьба. А вот сейчас, насколько он знал, беременность девушки вовсе не означала скорое замужество. Да он и сомневался, что Юрий согласится на вынужденный брак.

Если честно, он плохо знал собственного сына. Как-то не довелось. В молодости беззаветно отдавался спорту, даже получил звание мастера спорта, потом главным стала карьера. Лариса, его мудрая жена, никогда не возражала. Видимо, она хорошо справлялась с воспитанием сына, ежели ни разу не обратилась к мужу за помощью.

Они с Юрием существовали как бы в параллельных мирах, не пересекаясь. У него была своя жизнь, у сына – своя. Они и встречались крайне редко. С некоторым стыдом стал припоминать, когда же видел сына в последний раз. Получилось пару месяцев назад, на его дне рождения. Он еще отметил, что сын возмужал и поинтересовался, не собирается ли тот жениться, на что Юрий пренебрежительно фыркнул:

– Что я, дурак, что ли? Кто сейчас женится?

Евгений Георгиевич с сомнением потер лоб. Вот уж задачку подкинула жизнь. Темное облако за окном внезапно приобрело вид огромного знака вопроса, вполне соответствовавшего его настроению.

Резко тряхнул головой, стараясь рассеять глупые видения, но знак не исчез, продолжая приобретать всё более четкие очертания. Поняв наконец, что это не облако, а дым, обеспокоено выглянул в окно.

На углу заводоуправления люди в зеленых спецовках бросали в большую металлическую бочку спиленные ветки и какой-то мусор. Среди них он разглядел начальника хозяйственной службы и командира ведомственного подразделения пожарных. Хмыкнув, мысленно поставил Николаю пятерку за оперативность. Выглянул в приемную, спросил, не подошли ли представители поставщиков.

Машенька, странно на него посмотрев и отчего-то покраснев, заверила его, что еще никого не было. Велев ей, как только появятся, незамедлительно провести их в кабинет, вернулся обратно. Возбужденное лицо секретарши не давало покоя, и он решил как можно быстрее рассказать о сегодняшнем инциденте жене, пока этого, живописуя, не сделала Машенька.

Не то чтобы он боялся жениной ревности. Если честно, это стало бы забавным разнообразием в его крайне заурядной семейной жизни, просто не хотелось ставить жену в неловкое положение. Он хотел, чтобы на сообщение племянницы о закрытой двери Лариса могла небрежно ответить:

– А, это ерунда! Мне Евгений уже всё объяснил! – и равнодушно заговорить о другом.

Посмотрел на часы – наступило время назначенной встречи. Сел за стол, приготовил бумаги и записную книжку, чтобы ничего не упустить во время беседы, и позвонил Николаю. Тот явился тотчас, будто караулил под дверью. Пока Евгений Георгиевич раздумывал, сказать или нет о происшествии закадычному другу, прибыли поставщики.

Во время переговоров было не до посторонних мыслей, но, как только они ушли, немедля всплыл всё тот же навязчивый вопрос: как быть? Ну просто Гамлет, а не рассудительный руководитель огромного предприятия. Встав, прошелся по кабинету, надеясь, что от движения мозги начнут работать лучше.

А если поехать и познакомиться с девушкой немедля? Вполне возможно, она из тех вульгарных густонакрашенных особ, что по вечерам тусуются возле проходной в ожидании своих и чужих парней. Тогда всё станет просто – даст ей денег, и конец проблеме. Но, вспомнив чрезвычайно добропорядочный вид Натальи Владимировны, признал, что у такой матери даже гипотетически не может быть подобной дочери.

Задерживаться на работе против обыкновения не стал и, к удивлению своего водителя Петра, подготовившегося в ожидании босса сыграть с охранниками несколько партий в преферанс, вытащил его из помещения для охраны. Петр, пришедший к нему совсем молодым парнишкой после армии и возивший шефа еще в бытность его главным инженером, не выдержал и спросил:

– Что случилось, Евгений Георгиевич? Дома что-то?

Не считая нужным делиться своими проблемами с персоналом, тот обтекаемо сказал:

– Да кто ж его знает, Петя, случилось или нет, жизнь ведь сам знаешь какая коварная штука.

Растерявшийся от подобного софизма водитель замолчал, и пассажир смог углубиться в собственные мысли. Ему хотелось поехать домой к сегодняшней гостье, чтобы стряхнуть с себя противное чувство неопределенности, но он связал себя обещанием. Что ж, делать нечего, придется ждать до пятницы.

У своего дома махнул водителю на прощанье рукой и удивленно огляделся. Обычно он приезжал сюда в сумерках и не глядя шагал в подъезд. Но теперь, при ярком свете дня заметил, что вокруг растут высокие дикие яблоньки, на клумбах цветут яркие цветы, у подъезда стоят свежееккрашенные пустующие лавочки: их престижный дом населяли деловые люди, и стариков, беззаботно сидящих у подъезда, среди них не было.

Вошел внутрь, поздоровался с охранниками. Не вызывая лифта, взбежал на свой пятый этаж. Жена открыла не сразу, заставив его заподозрить, что ее или дома нет, или она не одна. Когда он, усмехаясь, уже представлял себе спрятавшегося в шкафу любовника, дверь наконец открылась. Обряженная в длинный халат удивленная Лариса, судорожно отжимая полотенцем мокрые волосы, извиняюще лепетала:

– Извини, пожалуйста, я была в ванной и не сразу услышала звонок. Но почему ты не открыл дверь своим ключом?

Несколько разочарованным таким прагматичным объяснением долгого отсутствия жены, муж небрежно передернул плечом:

– Да я и не помню, как ее открывать. Еще сделаю что-нибудь неправильно, потом дверь придется вышибать.

Металлическую дверь вышибить было проблематично, поэтому жена сразу замолчала и, внезапно осознав, что на дворе ранний вечер, испуганно воскликнула:

– Что случилось, Женя? Почему ты так рано? У тебя неприятности?

Он прошел в комнату и начал переодеваться, завидуя женской интуиции. Успокаивающе сказал, стараясь не заводить жену еще больше:

– Нет, всё в порядке, просто решил вернуться пораньше, на тебя с сыном посмотреть. Юрий дома?

Лариса забыла про мокрые волосы и остановилась перед ним, опустив руки.

– Нет, он уехал на всю неделю с друзьями в поход. На байдарках. А зачем он тебе?

Он посмотрел в ее встревоженные глаза и решил ей пока ни о чем не говорить.

– Да так, вспомнил сегодня, что не видел его уже два месяца. Решил посмотреть, а то забываю, как он и выглядит.

Жена с облегчением перевела дух.

– Ты вполне можешь носить с собой наши фотографии, ведь действительно видишь нас только в семейные праздники.

Он возразил, натягивая на несколько расплывшийся торс узкую борцовскую майку, из-за чего голос стал невнятным:

– Да с тобой-то мы каждый вечер видимся.

Она тихо вздохнула:

– Да ты меня воспринимаешь только как антураж. Эдакий кухонный агрегат. Подай-принеси-убери.

Он удивленно на нее посмотрел. Что это вдруг за жалобы?

– Если тебе скучно, ты вполне можешь пойти работать. Сын давно вырос.

Она передернула плечиками.

– И как ты себе это представляешь? Я столько лет просидела дома, кем мне теперь работать? Я утратила все профессиональные навыки. Меня даже продавцом в приличный магазин не возьмут.

Не желая спорить, он промолчал. Лариса побежала на кухню, по дороге аккуратно повесив полотенце в сушилку.

– Что тебе приготовить? – она обожала готовить для своих любимых мужчин.

Евгений вспомнил, что много лет назад именно вкусный обед, съеденный им в небольшом кафе, заставил его дожидаться изготовителя этой еды, оказавшимся миленькой молоденькой девушкой. В отличие от других женщин, работавших в кафе, у нее было специальное среднее образование, она окончила техникум народного хозяйства и собиралась учиться дальше. Но не пришлось – помешали замужество, потом рождение сына.

Евгений свой брак считал удачным – в доме всегда был порядок и уют, полно вкусной еды и свежестиранного белья. Ему за все годы, прожитые с Ларисой, даже стакан сполоснуть не довелось – жена кидалась отбирать у него грязную посуду по мере ее появления.

А уж с сынулей она носилась как с писаной торбой, стараясь защитить от всех тягот жизни. Сначала Евгений пытался протестовать, считая, что она балует сына, но потом перестал замечать и ее саму и ее героические усилия. Хотя она и была необходимой, но на уровне горничной в хорошем отеле: ее не замечаешь, ощущаешь лишь комфорт, сотворенный ее руками.

– Может, голубцы? Или люля-кебаб? – жена раскрыла холодильник и пристально рассматривала его содержимое. – Если бы я знала, что ты придешь сегодня так рано, приготовила бы что-нибудь повкуснее.

Удобно расположившись за столом, Евгений утешающе протянул:

– Да мне всё равно, у тебя всё вкусно получается. Только бы побыстрее.

Она захлопотала у плиты, а он вновь тяжело задумался, не замечая ее заинтригованных взглядов. Лариса не понимала, что такое с мужем. Обычно он приходил поздно, быстро ел и уходил в кабинет, где и ложился спать, чтобы не беспокоить ее. Она предпочитала, чтобы беспокоил, порой ей так не хватало его тепла, его тяжелой руки на талии, но он уже несколько лет не появлялся в ее спальне.

Вначале она переживала, решив, что на горизонте появилась соперница, но поняв, что он на самом деле жутко устает, смирилась с ролью одинокой женщины при живом муже. Но уж лучше так, чем молодые любовницы, которых некоторые знакомые ее мужа заводили для поддержания угасающей потенции.

Лариса молча поставила перед мужем лосося под белым соусом. Себе положила небольшой кусочек – всегда тщательно следила за фигурой, – и села напротив, вглядываясь в любимое лицо. Евгений выглядел как-то по-другому, несколько более обеспокоенным, чем обычно, в уголках глаз тонкие морщинки стали глубже.

Она догадалась: что-то произошло, но спрашивать побоялась. Вдруг это серьезно? Лучше ничего не знать, чем провоцировать неприятности. Она забрала освобожденную тарелку, ласково потрепала мужа по густым, чуть седеющим волосам, и спросила:

– Вкусно?

Он преувеличенно восторженно воскликнул:

– Божественно! – захватил бокал с чаем и ушел в кабинет.

Лариса перемыла посуду, протерла на кухне столы, вымыла пол и нерешительно остановилась перед мужниным кабинетом. Ей очень хотелось с ним поговорить. Просто о каких-нибудь ничего не значащих пустяках, чтобы утишить царившие в душе чувства одиночества и беспокойства. Но, несмело потоптавшись перед закрытыми дверями, побрела в большую комнату, зябко стягивая на груди велюровый халат.

А Евгений сидел у себя в кабинете и думал, говорить или нет жене о сегодняшнем визите. Решил все же посмотреть сначала на девушку, а потом уже поставить в известность Ларису. Почему-то ему казалось, что эта новость не станет для нее приятной.

В пятницу снова ушел с работы вовремя, отчего Петр, с трудом вырливая из-за вереницы припаркованных на заводской автостоянке автомобилей, недовольно заметил:

– Если бы вы меня предупредили о своих планах, Евгений Георгиевич, я бы машину у входа оставил, а то сейчас задену кого-нибудь, вот шуму-то будет.

Шеф поинтересовался, не понимая, почему у его персонального водителя могут возникать подобные проблемы:

– Но ведь я в любую минуту могу куда-нибудь поехать в рабочее время, тогда как?

Петр замялся, но виновато признал:

– Да я сегодня у Маши спрашивал, никаких визитов вроде не предусматривалось, вот я и засунул Форд подальше.

Евгений Георгиевич удивленно поднял брови.

– Подальше? Но ведь для моей машины отдельная полоса зарезервирована. Почему на нее не паркуешься?

Водитель смущенно замялся.

– Понимаете, Евгений Георгиевич, ее вот уже месяц сынок нашей главбухши занимает, студент экономического факультета, он здесь практику проходит. А мне с ней ссориться не хочется. Ему до конца практики каких-то пара недель осталась. Потерплю.

Евгений Георгиевич с потемневшим лицом достал мобильный телефон и набрал номер главного бухгалтера. Через минуту та взяла трубку. Манерно прошелестела:

– Слушаю вас!

Евгений Георгиевич понял, что на определитель номера она не посмотрела, или просто не знала номер сотового телефона своего шефа.

– Глафира Андреевна! Здраваться не буду, виделись уже сегодня. Проследите, пожалуйста, чтобы ваш сын не занимал больше мою стоянку, Петр сегодня еле с территории выехал.

Главбух поперхнулась и виновато проговорила:

– Конечно, Евгений Георгиевич! Извините, я об этом не знала. Да и Володе, видимо, никто об этом не сказал.

Генеральный положил трубку и сказал приободренному водителю:

– Ну, надеюсь, в понедельник всё будет нормально. А если что не так – говори сразу. Наш главбух не такая мудреная пташка, чтобы ей замены не нашлось. Недавно в отчете так напортила, что пришлось неделю с налоговой объясняться. – И замолчал, обдумывая предстоящий нелегкий визит.

Петр выехал на центральную улицу, готовясь гнать к дому шефа, но вдруг получил неожиданное распоряжение:

– Ты сейчас сворачивай на Куйбышева и выруливай к угловому дому.

Водитель дисциплинированно выполнил указание. Евгений Георгиевич набрал номер телефона, записанный на бумажке. Трубку взяла сама Наталья Владимировна. На его сообщение о прибытии скованно ответила:

– Ладно, ждем! – и повесила трубку.

Выходя их машины под вопросительным взглядом Петра, шеф разрешил:

– Ты езжай домой, Петя, на сегодня работа закончена.

Тот всполошился, как сверхзаботливая мамаша:

– Да как же это, Евгений Георгиевич?! Давайте я вас здесь подожду, вы не беспокойтесь, я никуда не спешу!

Но шеф не согласился:

– Я и один прекрасно доберусь, не суетись. Езжай домой, тебя там давно ждут.

Решив, что патрон задержится здесь надолго, Петр с подозрением посмотрел на окна старого дома. Сюда он никогда с боссом не ездил. Кто бы здесь мог жить? И какие отношения связывают с ним или с ней Евгения Георгиевича? Заинтригованный, хотел было остаться и остороженько порасспрашивать соседей, но под суровым взглядом начальника нажал на газ, вырулил с площадки перед домом и медленно покотил к себе.

Поставил служебную машину на платной стоянке возле дома и, нигде не задерживаясь, пошел в квартиру. Жена, второй раз за неделю встретившая мужа в почти неприличную рань, потребовала объяснений:

– Ты что, соперников дома застать пытаешься или тебя с работы выгнали?

Петру пришлось признаться, что шеф уехал не домой и, более того, насильно отправил его восвояси.

– Я за двадцать лет работы прекрасно знаю всех его друзей и родных. Этот адресок среди них не значится. Не иначе какие-нибудь шуры-муры.

Жена тут же поддержала мужа.

– Конечно! Недаром говорят – седина в бороду – бес в ребро. Наверняка нашел себе помоложе своей крали. Тем более, что красотой она не блещет.

Петр заступился за Ларису Львовну.

– Да она вполне ничего, а уж готовит как – закачаешься. Кулинар от Бога!

Усмотрев в этом скрытый упрек своим кулинарным талантам, жена демонстративно замолчала и горделиво удалилась на кухню. Не заметивший ее молчаливого протеста муж ушел умываться в ванную.

Евгений Георгиевич, открыв облупленную, без запоров и диктофонов дверь подъезда, брезгливо поморщился. В носшибанул застоявшийся запах кошачьих испражнений и густого перегара.

Подтверждая его нелестное мнение о кошачьем роде, навстречу с радостными завываниями кинулись два обшарпанных представителя сей породы и, юркнув у него между ног, вырвались из заточения.

Поднимаясь, Евгений Георгиевич увидел на лестничной площадке между первым и вторым этажами в уголке под батареей мирно спавшего мерзко воняющего бомжа.

Спеша поскорее избавиться от миазмов, Евгений Георгиевич, шагая на цыпочках сразу через две ступеньки и брезгливо не касаясь перил, в стремительном темпе добрался до четвертого этажа, где находилась искомая квартира.

В отличие от остальных этажей четвертый, видимо, представлял местную элиту – здесь было чисто, квартиры с оббитыми дерматином дверями выглядели пристойно. Найдя двери с номером «двадцать пять», решительно нажал на кнопку звонка.

Иронично подумал, в каком же виде его встретит Наталья Владимировна. Наверняка будет такой же чопорной и суровой, как в его кабинете. Вообще ее облик так ложился на привычную с детства картинку советского учителя, что другой он ее себе и представить не мог.

Тем больше было его удивление, когда дверь открыла молодая еще женщина в голубых джинсах с декоративной прорезью под коленом, и длинной русой косой. Прозрачная кожа светилась, синие глаза задорно блистали, и вся она казалась нереальной, как девочка с карамельной обертки. Он даже не понял сначала, Наталья Владимировна ли это или ее дочь, но, приглядевшись, понял, что именно она.

Его сердце внезапно дало сбой, и в глубине души прорезался далеко не безгрешный интерес. Постаравшись заглушить его в корне, вежливо поздоровался. Кивнув в ответ головой, хозяйка распахнула двери и пригласила его войти.

– Извините за наш подъезд, но приличные люди отсюда давно уехали, осталась шантрапа одна да нищая интеллигенция, вроде нас. Но мы скучковались на четвертом и пятом этажах, поэтому у нас попрличнее.

Он снял ботинки и засунул ноги в приготовленные для него тапки. Квартира была однокомнатной, поэтому из малюсенькой прихожей он сразу очутился в комнате, заставленной старой, но еще добротной мебелью. Посредине стояла стенка, отгораживая небольшой закуток, где, видимо, жила дочь.

В комнате было тесно, но уютно. Пахло то ли булочками, то ли шанежками, то есть той самой нездоровой пищей, которую ему никогда не готовила жена. Во рту у него собралась слюна и желудок сжался, требуя пищи.

Евгений Георгиевич попенял себе, что поехал голодным, а не заскочил в заводскую столовую, работавшую круглосуточно, как и весь завод. Вполне можно было перекусить.

Наталья Владимировна, как гостеприимная хозяйка, усадила его за небольшой письменный стол в углу комнаты, служивший, как он догадался, для проверки домашних заданий, и шустро принесла из кухни шанежки с творогом и картошкой.

Они были полны вредного холестерина и нездоровых жиров, но, видимо именно поэтому оказались необычайно вкусны. Не чинясь, гость умял почти десяток, запивая молоком и только после этого, довольно поблагодарив хозяйку, откинулся на спинку стула и оглянулся, ища глазами дочь.

Не успел подумать, как убравшая со стола остатки еды Наталья Владимировна негромко позвала:

– Саша! Выходи! Довольно прятаться!

За стенкой негромко зашуршало, и из проема появилась девушка в обрезанных до колен джинсах и свободной футболке, немного приподнявшейся на талии. Короткая стрижка обрамляла еще по-детски округлое личико с такими же синими, как у матери, глазами.

На первый взгляд она показалась Евгению Георгиевичу довольно миленькой, но несколько простоватой, но, когда улыбнулась немного виноватой улыбкой, он немедленно решил, что она просто красавица.

И куда смотрит Юрий? Таких девчонок парни долго в девицах куковать не оставляют. Он нее исходил чарующий аромат нежной прелести, еще не расцветшей, но обещающей стать пленительной. Он с некоторым испугом ждал ее первых слов. По опыту знал, что убить очарование парой глупых слов сущий пустяк. Девушка смущенно посмотрела на него из-под длинных ресниц, не зная, куда деть руки.

– Извините меня, пожалуйста. – Нежный голос зазвенел искренним раскаянием, заставив его отрицательно замотать головой. – Мне очень неловко. Зря я сказала маме, кто отец моего ребенка. Не думала, что ей нельзя доверять. – И она с мягким укором взглянула на мать.

Наталья Владимировна спокойно остановила дочь:

– Саша, мы с тобой уже обо всем поговорили. Вряд ли Евгению Георгиевичу интересны наши внутренние разногласия. Он пришел с тобой просто познакомиться. Без всяких далеко идущих планов. Ведь так, Евгений Георгиевич?

Он вздрогнул, потому что именно сейчас в его мозгу зрел весьма далеко идущий план и он обдумывал пути его реализации. Поэтому, не желая откровенно лгать, неопределенно промывчал:

– Ну, это как получится, конечно.

У Саши от этого странного ответа расширились зрачки, и она с испугом посмотрела на гостя. Убедительно попросила:

– Евгений Георгиевич, вы в наши с Юрием отношения не вмешивайтесь, я вас очень прошу. Это только моя ошибка, и я не хочу, чтобы за нее расплачивался он.

Евгений Георгиевич сильно сомневался, чтобы ребенок возник без прямого участия его сыночка, но постарался ответить как можно уклончивее, как истинный дипломат:

– Сашенька, вы не волнуйтесь, пожалуйста, вам ведь вредно волноваться. Вы на каком месяце?

В свободной футболке живот казался вовсе небольшим, поэтому ответ его удивил:

– На шестом. Это девочка. Я сегодня ходила на УЗИ.

Евгений Георгиевич замер, осознавая услышанное. Скоро у него появится внучка. Что ж, новость радостная, хотя и не для всех. Его замечательный сынок уж точно торжествовать не будет. Но Юрий сделает так, как должно, недаром он Бобров! В их роду подлецов не было и не будет! Если будет сопротивляться, то его и заставить можно. Потом сам спасибо скажет.

По девушке было видно, что ей отчаянно хотелось спрятаться обратно в свою норку. В ней не было ни самоуверенности, ни нахрапистости, так свойственных современной молодежи. Он внезапно вспомнил строки Пушкина «всё тихо, просто было в ней...» и удивился приливу лирического настроения. Что ж, такой невестке он только рад. Лариса, он в этом уверен – тоже. Остался Юрий, и вот с ним-то нужно было разобраться как можно быстрее.

Решив не терять времени, встал, поблагодарил хозяек и вышел, так же поспешно сбежав по лестнице, как и поднялся. Бомж, по-прежнему свернувшись в клубочек, уютненько спал на прежнем месте, с посвистом похрапывая. Если бы не этот храп, можно было подумать, что тут лежит труп, а не человек.

Евгений Георгиевич, миновав бомжа, цинично подумал, что труп был бы куда привлекательнее, во всяком случае, для жильцов живописного подъезда. Его вполне можно было бы сдать в соответствующие службы, тогда как бомжи никому не нужны.

На автобус не пошел, а двинулся пешком по зеленым улицам, дыша свежим воздухом и подбирая достаточно весомые слова для объяснения с сыном.

Уже не удивившаяся его раннему появлению жена попыталась покормить его ужином. Евгений Георгиевич смущенно отказался, соврав, что перекусил на работе, и скрылся в кабинете, не замечая, что Лариса смотрит на него одиноким тоскливым взглядом.

Утром в субботу, сидя за полезным и питательным завтраком, состоявшим из йогурта, сырников с персиками и стакана яблочного сока, сумрачно вспоминал пышные шанежки с творогом и картошкой, испеченные Натальей Владимировной, и, уж вовсе некстати, ее тонкую талию и высокую грудь. Чтобы отвлечься от недозволенных мыслей, сказал жене:

– Лариса, брось суетиться, садись сюда. Нам надо поговорить.

Она обмерла и замедленно повернулась к нему, нервно вытирая миглом вспотевшие ладони о шелковые домашние брючки. В голове молнией мелькнуло: сейчас скажет, что встретил другую и уйдет! Она прошептала неслушающимся голосом:

– Поговорить? О чем?

– Не о чем, а о ком. О нашем замечательном сыночке и его неспортивных достижениях. Садись.

Она несколько отошла от первоначального испуга и опасливо устроилась на самом краешке стула. Муж побарабанил пальцами по столу и произнес:

– В общем так: мы с тобой скоро будет дедом с бабкой. В октябре у нас родится внучка.

Лариса оторопела и возмущенно выпрямила спину.

– Как это – бабкой? Я не хочу!

Он кисло усмехнулся.

– А вот этого у нас с тобой не спросили. Хочешь не хочешь, а будешь. К тому же ничего страшного в этом нет. Будешь молодой бабушкой.

Лариса притихла и пробормотала:

– Да я никакой бабкой быть не хочу. Ни молодой, ни старой. И откуда ты знаешь, что это наша внучка, а не кого-нибудь другого?

Евгений Георгиевич твердо сказал:

– Наша, наша, не волнуйся. Я нашу будущую невестку недавно видел.

Жена вскинулась, не желая признавать очевидное:

– Почему невестку? Юрий мне ничего не говорил о том, что собирается жениться.

Муж встал и стал раздраженно мерять шагами небольшую кухню.

– Я тебе говорю! И этому шалопаю мозги вправлю. Зря я его воспитанием не занимался. Он, похоже, совершенно не представляет, что за свои поступки надо отвечать.

Лариса восприняла эти слова на свой счет и возмущенно вскинула голову.

– Я ему всегда об этом говорила! Но сейчас девицы знаешь, какие пошли? На всё готовы, чтобы богатенького мальчика в постель заполучить и окрутить потом! Откуда ты знаешь, что эта так называемая наша будущая невестка не из таких?!

Евгений тяжело повернулся к ней всем своим телом.

– Я же тебе сказал, что видел ее! Я хоть и непрофессиональный психолог, но в людях разбираюсь! Если бы не разбирался, то и генеральным директором бы не был! Вот сама познакомись и поймешь. Она на шестом месяце, поэтому свадьбу надо сыграть как можно быстрее.

Лариса пошла некрасивыми красными пятнами.

– На шестом месяце! Да она на свадьбе будет как корова! Все поймут, что брак вынужденный!

Муж вяло пожал плечами.

– А сейчас каждая вторая невеста такая! Ничего страшного! К тому же Саша на корову вовсе не похожа!

Лариса насторожилась.

– Ее зовут Саша? Торопова?

– Да. Ты ее знаешь?

– Да нет, но слышала кое-что.

– И что же именно?

Лариса решила приврать для пущего эффекта.

– Да что актриса она хорошая. Любого парня окрутит своими наивными глазками. Такая вся, – она помолчала, подбирая нужное слово, – невинная...

Евгений сразу различил фальшь в слащавом тоне жены и покладисто согласился:

– Ага, она такая и есть. Бесхитростная и невинная.

Лариса настойчиво продолжала, надеясь, что он купится на ее выдумку.

– Вот-вот, и ты на ее удочку клюнул, а она вовсе не такая простушка, как тебе кажется.

Про нее много всякого рассказывали.

Он сухо поинтересовался:

– К примеру?

Она замялась: выдумывать не хотелось, да и муж не был простофилей, чтобы проглотить любую чушь. Но и сидеть сложа руки, когда судьба любимого сына была под угрозой, тоже было невозможно.

– Ну, к примеру ее мать. Она была учительницей у Юрия в начальной школе. Так вот она свою дочь тоже родила без мужа. А как известно, яблоко от яблони...

– Знаю.

Лариса побледнела, но с достоинством поинтересовалась:

– Откуда?

– Она приходила ко мне на работу и мы поговорили.

Жена обрадованно воскликнула:

– Вот видишь! Она наверняка что-то у тебя просила, ведь так?!

Евгений Георгиевич, с неодобрением разглядывая пылающее лицо жены, отрицательно покачал головой.

– Нет, ничего она у меня не просила.

Лариса немного призадумалась, и выдала очередную гениальную мысль:

– Но для чего-то же она приходила, не просто же сообщить о таком псевдорадостном известии! Наверняка им что-то нужно для ребенка!

Муж подтвердил, не понимая, почему он тратит время на дурацкие уговоры:

– Они имеют на это право. Ребенок Юрия, это не обсуждается. И, как член нашей семьи, по праву рождения имеет право на нашу поддержку.

Жена хотела возразить, но, заметив покрывшиеся гневным румянцем скулы и сурово прищуренные глаза мужа, решила немного отступить, с тем чтобы потом броситься в атаку с удвоенными силами:

– Конечно-конечно! Но только ребенок, а не его мать!

Муж невозмутимо поинтересовался:

– И каким образом ты предполагаешь их разделить? Может, собираешься забрать ребенка к себе сразу после рождения? Воспитывать будешь?

Лариса замахала руками:

– Не утрируй, Женя, никого я забирать не собираюсь! Просто...

Евгений Георгиевич прервал разговор, резко поднявшись:

– Просто не надо выдумывать отговорки. Юрий женится, и как можно быстрее! – и ушел в свой кабинет.

Расстроенная мать осталась одна. Положив на колени подрагивающие руки, судорожно тискала шелковые брючки и бормотала:

– Но ведь так нельзя, так нельзя! Мальчик ошибся, но ведь каждый может ошибиться! Девушка должна, нет, просто обязана была предохраняться, раз уж спит с мужчинами!

Решив, что сделает всё, чтобы помешать этой нелепой свадьбе, расправила плечи и отправилась в комнату, позвонить и предупредить о грядущих неприятностях бедного соблазненного мальчика. Но Юрий не отвечал, возможно, не слышал звонок, а может, просто не хотел разговаривать с матерью.

Сын приехал только вечером, загорелый, пропахший дымом костра и резким запахом пота. Сразу рванул в ванную, смывать с уставшего тела грязь. Вышел через час, благоухая дорогим шампунем и стряхивая капли воды с коротко остриженных волос.

Отец уже ждал его на кухне. Любящая мамочка, умоляюще глядя на мужа, тихо попросила:

– Пусть сначала поест!

Отец согласно кивнул головой. Пусть поест. Сговорчивее будет. Сынулька, не понимая, чем вызвал пристальный интерес вечно отсутствующего отца, тем не менее с аппетитом съел полную сковороду куриных зраз с сыром и ветчиной и отправился в большую комнату к телевизору. Отец пошел за ним. Лариса, впервые в жизни оставив посреди стола невымытую посуду, поспешила следом.

Ни о чем не подозревающий Юрий, развалясь на большом кожаном диване, кнопкой пульта гонял по экрану каналы, разочарованно чертыхаясь. Отец подошел к большому экрану домашнего кинотеатра и выключил его. Сын удивленно воззрился на папашу. Такого в его жизни еще не было.

– Итак, Юрий, тебя можно поздравить: ты скоро станешь отцом? – голос Евгения Георгиевича был нарочито мягок, но за нежным гагачьим пухом ясно чувствовался стальное полотно.

Но Юрий этого не понял. Не меняя позы, презрительно протянул:

– Что, Сашка тебе доложила? На что рассчитывает? На отдельную квартирку? У нее с матерью повернуться негде.

Отец жестко сказал:

– Нет. Она ни на что не рассчитывает. Рассчитываю я. На скорую свадьбу.

Юрий недоверчиво рассмеялся, брезгливо дернув ногой.

– Ну, батя, ты же не всерьез так думаешь? Если я буду жениться на каждой девице, с которой переспал и которая предохраняться не умеет...

Евгений перебил, с трудом сдерживаясь:

– А я всегда считал, что в подобных случаях забота о женщине – обязанность мужчины. Если ты это не выполнил, изволь исправить ошибку. Женись.

Юрий скорчил пренебрежительную гримасу.

– На ком? На дочке жалкой учительницы? Да чего ради? Это ей надо было думать, прежде чем в постель со мной ложиться!

Отец быстрым рывком выдернул разнеженное тело сына из уютной норки и поставил посередине комнаты. Тот с изумлением уставился на горящие гневом глаза отца. Непонимающе протянул:

– Да тебе-то что? Не твой ведь ребенок...

Евгений рявкнул:

– Перестань паясничать! Сотворил ребенка – будь добр, женись! Не позорь ни меня, ни наших предков!

Юрий пожал плечами, не понимая, как в наше время можно апеллировать такими смешными понятиями.

– Ты еще про честь и совесть вспомни!

Евгений Георгиевич потрянул сына посильнее и взревел:

– И вспомню! А также о порядочности и достоинстве! Если тебе об этом мать плохо говорила, то я сейчас так скажу, что на всю жизнь запомнишь!

Несколько испуганный напором отца, сын попытался утишить страсти:

– Да вовсе не обязательно мне на ней жениться! Если ты так хочешь, я запишу ребенка на свое имя, и буду по мере возможности помогать воспитывать.

Евгений рявкнул:

– Не помогать, а жить ты с ним будешь! Вставать по ночам и подгузники менять, как положено отцам!

Юрий сердито отказался, возмущенный принуждением:

– Да ты что, всерьез думаешь, что сейчас девятнадцатый век? Опомнись, отец! И не могу я жениться на каждой наивной дурочке, влюбившейся в меня! А Торопова эта вообще тот еще фрукт! Правильная до невозможности! Меня от нее просто тошнит!

Евгений схватил сына за грудки и сильно потрянул.

– А тебя никто не спрашивает, чего ты хочешь, а чего нет! Ты сделаешь то, что должен!

Тут Юрий не выдержал. Он никогда не считал отца авторитетом. В их семье всем заправляла мать. А сейчас она почему-то молчала. Он повернул к ней голову и требовательно воскликнул:

– Мам, а ты почему молчишь?

Евгений заверил непонятливого сына:

– Да потому что мы с ней уже поговорили, и она всё поняла. Не так, ли, Лариса?

Та дрожащим голосом воскликнула:

– Женя, ну нельзя же так! Мальчик сказал, что не хочет жениться! Он еще слишком молод!

Евгений Георгиевич хрипло заметил:

– А я, когда на тебе женился, не слишком молод был?

Жена как-то боком обошла их клинч и попросила:

– Отпусти Юру, Женя! Когда мы с тобой женились, другое время было!

Евгений почувствовал, как в ушах начала шуметь кровь.

– Другого времени не бывает! Это люди бывают или порядочные, или подонки! И я предупреждаю, что подонков в своей семье не потерплю!

Юрий, тоже донельзя раздосадованный, презрительно скривил губы и просипел:

– Да пусть эта дура со своим ублюдком катится, куда подальше! Она мне не нужна! – и тут получил такой удар в скулу, что покатился по ковру, как резиновый мячик.

Лариса упала перед ним на колени и с причитаниями: – Ты его убил! – стала гладить сына по лбу. Тот медленно встал, потряхивая головой, пытаясь избавиться от звона в ушах и впервые начиная бояться отца.

Тот и в самом деле был страшен: с выступившими сизыми венами на лбу и горящим взглядом он производил впечатление помешанного. Сын испугался: еще удар хватит! и успокаивающе произнес:

– Хорошо, хорошо, папа, я подумаю над твоими словами.

Но отец зло уточнил:

– Не подумаю, а женюсь, причем в ближайшее время.

Сын посмотрел на мать, усиленно кивавшую ему и успокаивающе подмигивающую, подумал, что развестись всегда можно, и неохотно согласился:

– Ладно. Женюсь. Как порядочный человек. Убедили. – Потрогал саднившую скулу и ехидно добавил: – Аргументы приведены весомые!

Лариса тихо всхлипнула, а Евгений, пропустив сарказм мимо ушей, твердо сказал:

– Тогда мы завтра все вместе едем к ним знакомиться.

К кому, не уточнил, но все поняли без слов. Юрий, у которого на завтра были вовсе другие планы, пошел, прихрамывая, в свою комнату, размышляя, во что же это он влип, а Евгений ушел в свой кабинет и прилег на софу.

Чувства удовлетворения не было. Наоборот, на душе кошки скребли. Будет ли удачным этот устроенный им принудительный брак? Но, с другой стороны, у малышки будут оба родителя и, кто знает, может, поговорка «стерпится-слюбится» оправдается?

В воскресенье, позвонив Тороповым уже возле самого их дома, дабы исключить выдуманные отговорки, отец повернулся к сидевшему за рулем сыну и мрачно проговорил:

– Ты сделаешь всё, чтобы убедить девушку выйти за тебя. Если она вдруг откажется, буду знать, что ты просто посмотрел на нее так же презрительно, как сейчас смотришь на меня. Предупреждаю: в ее нежелание стать твоей женой я абсолютно не верю. Так что учти!

Они вышли из машины и гуськом поднялись по той же грязной лестнице. Лариса Львовна, шокированная вонючим и грязным подъездом, закрыла надушенным платочком нос и приготовилась к самому худшему.

Наталья Владимировна, на сей раз обряженная в мешковатое серое платье, придающее ее изящной фигуре вид разваренного пельменя, индифферентно встретила их у порога, произнесла ничего не значащие слова стандартного приветствия и провела в комнату.

Не желающая садиться Лариса Львовна встала у маленького диванчика и недовольно повела носом – в комнате пахло пирожками, т. е. вредной высококалорийной пищей.

Наталья Владимировна тонко усмехнулась.

За годы учебы Юрия в ее классе она вдоволь нагляделась на смешные претензии этой бабенки выглядеть как великосветская дама. Хотя та была не одна такая. В их школе, получившей статус одной из лучших гимназий города, и не такие бывали. Всё, как правило, неработающие жены больших руководителей, посвятившие себя мужу и детям. Само по себе это было вовсе не плохо, но зачастую обставлялось такой дымовой завесой жертвенности и пренебрежения к тем, кто ниже по статусу...

Глядя на брезгливое выражение лица гостыи, Наталья Владимировна невольно поддалась недостойному чувству мести. Если у нее и были сомнения по поводу этой свадьбы, то теперь они исчезли. Но как появление жениха воспринимает дочь?

Саша стояла посередине комнаты в том же наряде, что и прошлый раз, с красным носом и заплаканными глазами и затравленными глазами наблюдала за гуськом входившими в комнату гостями. Шедший последним Юрий кинул на нее полупрезрительный взгляд, усмехнулся и язвительно спросил:

– Тебя что-то тревожит, Сашок?

Она посмотрела на него своими удивительными глазами, встряхнулась, видимо, решив не показывать своей тревоги, и столь же насмешливо возразила:

– Нет, я в полном восторге. Захомутировать такого женишка как ты, это ж суметь надо!

Лариса сразу что-то возмущенно вякнула, но Евгений Георгиевич, поняв, что ёрничанье девушки вызвано излишним волнением и сложностью ситуации, успокаивающе произнес:

– Ну, поскольку все всё сразу поняли, давайте просто обсудим свадьбу.

Саша посмотрела в глаза бывшему другу, ожидая решительного отпора и готовясь выступить с ним единым фронтом. Но Юрий с непроницаемой физиономией вместо ожидаемых возражений залихватски ей подмигнул, и она озадаченно затихла, искоса поглядывая на него, не зная, как поступить, чтобы не быть похожей на капризную беременную девицу. Хотя беременность никуда не денешь, но вот капризной она никогда не была.

Наталья Владимировна, перехватившая этот странный, полный невысказанной надежды взгляд, решила против этой скоропалительной свадьбы не возражать – ведь было ясно, что Саша без ума от своего надменного жениха. Конечно, сначала будет трудно, но она девочка умная, может, что-нибудь и получится?

Родители принялись обсуждать свадьбу – где, когда и сколько, а молодые оценивающе разглядывали друг друга. Юрий, злясь на всех подряд, только не на себя, любимого, с затаенной злостью рассматривал сидящую напротив навязанную невесту. Ему не нравились ее заплаканные глаза и несчастное выражение лица. Если уж решила замуж за него идти, то хотя бы улыбалась, дуреха. А то у него такое впечатление, что это ее силой под венец гонят, а не его.

Он снова окинул ее личико небрежным взглядом. Не сказать, чтобы Сашка уж вовсе ему не нравилась, как любовница она была вовсе даже не плоха, получше многих, но вот как жена... Тут он запнулся, потому что о жене не думал вовсе.

Зачем в нынешние времена нужны жены? Вот раньше – понятно. Тогда секс был возможен только с законной супругой или с продажными женщинами. Но теперь-то с этим проблем нет, сейчас все готовы, только намекни.

Оторвался от размышлений только тогда, когда отец строго спросил у него:

– Ты не против, Юрий?

Он кивнул головой. Какая ему разница! Пусть делают, что хотят. Хоть весь город на свадьбу зовут, ему-то что?

Но тут возникла Саша. Несколько отойдя от первоначального шока, вызванного появлением Юрия с роскошным синяком под глазом, она несмело возразила:

– Раз уж вы считаете, что нам надо обязательно пожениться и если Юрий и в самом деле не против, давайте мы просто распишемся и потом сделаем тихий вечер для близких. Так, чтобы никакой помпезности и шумихи.

Наталья Владимировна присоединилась к просьбе дочери. Лариса Львовна, немного поерепеневшись для отвода глаз, согласилась тоже. Она не считала, что этот брак продлится долго. Если рассматривать его как экспериментальный, тогда он вполне приемлем. Евгений Георгиевич, с угрозой посмотрев на пребывающего далеко отсюда сына, пообещал:

– Тогда регистрироваться будем в следующую пятницу. Нечего время тянуть. Квартиру молодым я к этому времени подыщу.

Юрий вздрогнул, но, глядя на непреклонное лицо отца, промолчал. Решил жить по принципу: раньше сядешь, раньше выйдешь.

Провожая непрощеных гостей, Наталья Владимировна пристально оглядела будущего зятя. По сравнению с тем шумным мальчишкой, что был в начальных классах, он, конечно, здорово изменился. Она помнила, что его сильно удручал маленький рост, и ей не раз приходилось убеждать малыша, что со временем он вытянется.

Что ж, ее прогноз оказался верным – в нем было не меньше метра девяносто. Возможно, в более благоприятное время он менее церемонный и натянутый, чем сегодня, но это вполне можно понять – не каждый же день его насильно заставляют жениться.

Ей помнилось, что в детстве он был очень похож на мать, но сейчас, сравнив его с обоими родителями, отдала предпочтение отцу – на него он походил куда больше – те же серые глаза, те же темно-каштановые волосы, только у отца на висках слишком много серебра.

Хотя гримасы все материны, и не сказать, чтоб они его красили. Нормальный с виду парень, и пара они с Сашей красивая – оба стройные, высокие, только Саша русая и синеглазая. Но поймет ли он, что они вполне подходят друг другу? Уж его мамочка-то – явно нет.

В понедельник Евгений Георгиевич заехал в районный ЗАГС и, объяснив ситуацию, попросил ускорить регистрацию. Там с пониманием отнеслись к его просьбе и возражать, естественно, не стали. Потом поехал в контору по торговле недвижимостью и купил двухкомнатную квартиру в хорошем престижном доме.

Чтобы жена зря не волновалась, квартиру оформил на свое имя. Ларисе же, чтоб не чувствовала себя в стороне от такого ответственного дела, поручил обставить квартиру и купить всё необходимое на первое время.

В пятницу молодые под надзором старших родственников встретились на пороге большого здания районного ЗАГСа. На невесте был светлый брючный костюм с расстегнутым пиджаком, изящно прикрывавшим округлый животик, на женихе – надетый по настоянию родителей строгий черный костюм.

Роль шаферов исполняли родители. Юрий, вспоминая слова лучшего друга, кисло морщился – тот в ответ на потрясающую новость расхохотался и, хлопнув дружка по плечу, воскликнул:

– Да, силен Евгений Георгиевич! А я-то гадаю, откуда у тебя чудный фонарь под глазом! А это тебя так наглядно убеждали! – И с мефистофельским смешком утешил: – Но ты не журишь, хлопче, Сашуля весьма недурна, право слово!

И вот эта недурственная невеста стоит рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу с таким видом, будто ее тащат на казнь, а никак не на собственную свадьбу. Впрочем, он подозревал, что имел столь же бледный вид.

Ровно в назначенное время они впятером скромно вступили под своды ЗАГСа, вызвав недоумение регистраторши, которая с ожиданием взглянула за их спины, явно рассчитывая увидеть толпу народа – Евгений Георгиевич был в этих краях человеком известным. Никого не дождавшись, смущенно кашлянула и приступила:

– Юрий Евгеньевич Бобров, берете ли вы в жены Александру Ильиничну Торопову?

Юрий, считавший, что вначале должны спрашивать согласие невесты, несколько растерялся от нарушения последовательности и не сразу смог ответить сдавленным голосом: – да, согласен! Невеста, тоже смущенная и растерянная от произошедших за последнее время перемен, тоже едва слышным голоском выразила свое непротивление.

После «Поцелуйте невесту» новоявленный муж небрежно чмокнул молодую жену в щечку и довольно громко объяснил свое нежелание подарить невесте настоящий поцелуй:

– Никогда не надо начинать то, чего не можешь закончить! – чем вогнал в краску конфузливую регистраторшу.

Когда она предложила открыть бутылку шампанского, чтобы отпраздновать это событие, высокомерно отказался:

– Не вижу достойного повода! К тому же невесте категорически вреден алкоголь! – и насмешливо уставился на выпирающий животик.

Саша покраснела, а родители осуждающе покачали головами. Поведением сына недовольна была даже Лариса Львовна – чтобы там ни было, а внешне всё должно выглядеть комильфо.

Приехав в квартиру молодых, Евгений Георгиевич всё же открыл бутылку дорогого французского шампанского, которую разлил по купленным Ларисой хрустальным фужерам под жизнерадостный тост «за счастье»!

Обряженная во всё то же сиротское платье Наталья Владимировна скептически возвела глаза к потолку, не веря в надвигающееся на дочь счастье, но вино выпила, не желая разрушать компанию. Саша его лишь пригубила, поставив фужер обратно на журнальный столик с тихим обреченным стуком.

Родители Юрия, выпив, раскланялись. Наталья Владимировна ушла вместе с ними, на прощанье ободряюще улыбнувшись дочери, и новобрачные остались одни.

Молодая, не глядя в глаза мужу и явно боясь выяснения отношений, прошла по комнатам, усиленно любуясь новой мебелью.

– Замечательно! Такая красота! Кто это покупал?

Допивая шампанское, Юрий равнодушно пожал плечами.

– Не знаю, но подозреваю, что мамин дизайнер, Кристина. Мать постоянно к ней обращается по любому поводу. Считает, что у нее самой нет вкуса.

Саша недоверчиво посмотрела на мужа.

– Лариса Львовна? Но она всегда такая элегантная.

Вытащив сигарету и закулив под протестующим взглядом жены, новоиспеченный муж деловито предложил:

– Знаешь, дорогая, давай обсудим условия нашего с тобой существования. До свадьбы это как-то не удалось. Наверное, из-за ее крайней поспешности.

Сашенька, у которой противно сжалось сердце, торжественно улыбнулась и села напротив, даже не сделав ему замечание о курении в присутствии дамы, к тому же беременной. В последнее время она начала понимать, что великосветский этикет не совсем пригоден для повседневности.

– Как ты понимаешь, наш брак добровольным назвать нельзя. – Юрий значительно прикоснулся к хорошо видимому синяку под глазом. – Поэтому выработаем приемлемые условия для совместной жизни. Во всяком случае, для того, чтобы никто никого не убил.

Настроение у новобрачной упало ниже нулевой отметки, но она храбрилась, разыгрывая всё повидавшую крутую авантюристку.

– Во-первых, никакой ревности. Если ты видишь меня с девушкой, не вцепляешься ей в волосы с криком: это мой муж!

Она благонастным голоском осведомилась:

– То же касается и меня?

Он не понял:

– Это как?

Она терпеливо пояснила:

– Ну, когда ты встречаешь меня с симпатичным молодым человеком, который только что подарил мне букетик цветов и ведет в ресторан, ты тоже сделаешь милое лицо и пожелаешь мне приятно провести вечер?

Он нахмурился и представил заявленную картинку. Она ему решительно не понравилась. Пришлось вносить коррективы:

– Ладно! Никаких шашней, пока мы женаты. Но пилить меня и учить жить ты не будешь! Это твоя мать – учительница, а не ты. Не путай!

Саша посмотрела на свои блестящие ноготки, покрытые кремовым лаком в тон костюму. Они чуть заметно дрожали. Решив, что подобное волнение излишне для малыша, она встала и попросила:

– Дорогой, я понимаю, тебе не терпится изложить мне все свои взгляды на супружескую жизнь, воспитание детей и всё такое прочее. Но давай перенесем разговор, я жутко устала и хочу полежать. Так уж извини.

Она ушла в спальню, с облегчением скинула ставший узковатым в талии костюм, приняла душ и нырнула в прохладу льняных простыней. Через пять минут к ней присоединился новобрачный.

– Это ты хорошо придумала – полежать! Похоже, я тоже за сегодняшний день здорово вымотался.

Он кошачьим движением оказался сверху, но она отвернулась от его ищущих губ.

– А разве наше соглашение предполагает интимную жизнь? Ты об этом ничего не сказал.

Он возмущенно воскликнул, не в состоянии больше терпеть разгоравшийся в чреслах жар:

– Ты что, считаешь меня бесплотным ангелочком, чтобы я обходился без секса, живя с тобой? Не смей меня! – и тут же овладел ею.

Саша не сопротивлялась. Чего греха таить – ей нравились его настойчивые ласки. Она ни о чем не жалела. По крайней мере, пока.

Глава вторая

Полностью одетый Юрий стоял у дверей, засунув руки в карманы и с раздражением смотрел на жену, натягивающую на дочь ярко-красную курточку.

– Когда она сама-то станет одеваться? До старости ей будешь помогать? Другие дети...

Саша с вздохом прервала нудное ворчание мужа:

– Другие дети, дорогой, в два с половиной года ведут себя совершенно так же, как Анюта.

Он пренебрежительно фыркнул

– Анюта! Нюрка она, больше никто!

Девочка с укором посмотрела на папашу, но возражать не решилась. Протянула матери ручку, чтобы та застегнула кнопочку на обшлагае. Юрий раздраженно бросил:

– Я вспотел уже, вас дожидаетесь! У отца день рождения, мать велела приехать ровно в три, а вы всё еще не готовы! Без десяти уже! Давай побыстрей, Маруся!

За все годы их брака Юрий к жене по-другому не обращался. Сначала Саша пыталась возражать, но получалось еще хуже. Муж высокомерно оглядывал ее с головы до ног и провозглашал:

– А кто ты? Ну, уж никак не Александра! Маруся и есть. Тебя просто при рождении неправильно назвали.

Саша и не подозревала, что хорошее имя можно так испохабить. В его устах оно звучало даже не как звериная кличка, а как грязное ругательство. Юрий вполне мог претендовать на звание самого капризного, эгоистичного и самовлюбленного из всех мужей, во всяком случае, делал для этого всё, что мог.

Порой ей казалось, что у нее не жизнь, а испытание на выживаемость в экстремальных условиях. Под его презрительным взглядом руки у нее тряслись и не слушались, и самое простое дело превращалось в тяжелое испытание.

Она уже не помнила, когда в последний раз беззаботно смеялась. Казалось, сам ее смех он воспринимает как вызов, и делает всё, чтобы это безобразие прекратить.

Наконец-то застегнув непослушную кнопочку, взяла дочку за руку и справедливости ради подумала – есть, конечно, у него и светлые стороны – к примеру, он любил экспериментировать с продуктами. Очевидно, перенял это от матери. По вечерам, придя с работы, первым делом шел на кухню и изобретал нечто такое, отчего у нее при одном воспоминании слюнки текли. Правда, и при этом он умудрялся испортить ей удовольствие:

– Уж лучше готовить самому, чем есть твои помои. Ты же совершенно не умеешь готовить!

Она лишь склоняла голову на эти упреки. Не сказать, чтобы они были уж вовсе несправедливыми. Мать никогда не придавала значению еде. В их доме не было кулинарных изысков. Стряпала мама хорошо, шанежки и пирожки у них не переводились, но вот что касается омара, запеченного с кальвадосом или пулярки с коричневым рисом – тут был провал.

Саша готовила неплохо, но в расчете на среднестатистического мужика с обычными, то есть непривлекательными, вкусами, и угодить мужу, выросшему на изысканных мамочкиных деликатесах, нечего было и пытаться. Но, с другой стороны, ей завидовали все знакомые.

Когда она рассказывала в группе об очередном кулинарном шедевре, сотворенном мужем, упуская, естественно, те слова, что были ей при этом сказаны, все подружки вздыхали и в один голос заявляли:

– Ох, и счастливая ты, Сашка! Повезло тебе с мужем!

Она мило улыбалась, пряча за улыбкой боль. Она терпела, потому что понимала: долго это не продлится. Она бы ушла первая, но уходить ей было некуда, не в мамину же однокомнатную квартирку! К тому же мама и сама была еще достаточно молодой симпатичной женщи-

ной и вполне могла устроить свою судьбу, ведь, несмотря на ее чопорный вид и безнадежные платья, вокруг нее всегда увивались мужчины. Она и сама помнит парочку вполне приличных лиц. И мешать матери ей категорически не хотелось.

Итак, уходить было некуда, и она с напряжением ждала, когда же уйдет Юрий. Она и хотела, и боялась этого. Хотела потому, что тогда прекратятся изощренные оскорбления, на которые он был великий мастак, и она сможет, наконец, уважать себя, или, по крайней мере, попытается. А боялась потому, что, несмотря на все выливаемые на ее голову гадости, любила своего равнодушного мужа и с ужасом следила за его сальными взглядами, направленными на других женщин.

Изменять он ей не изменял, это она чувствовала, но ждала измены каждый божий день. Женщин кругом полно, и все они вполне доступны, стоило мужчине приложить самый минимум усилий. Тем более такому красавцу, как Юрий. Он специально изображал из себя эдакого крутого мачо, которому дела нет до существования глупых баб.

Именно это нарочитое равнодушие и привлекало к нему внимание всех знакомых женщин. Хотя он и не скрывал, что женат, но говорил о наличии жены и дочери с таким холодным безразличием, что любая дамочка сразу понимала, что они для него вовсе не препятствие. Каждая по мере сил пыталась хоть на самую малость завладеть если не его сердцем, то хотя бы вниманием. А может, всё это просто казалось Саше, измученной безответной любовью?

Она до сих пор не знала, как ей относиться к собственному легкомыслию в ту ночь, когда была зачата дочь. Конечно, она не предполагала, что Юрий проявит такую настойчивость, тогда это для нее было внове, но всё равно могла бы быть потверже. Хотя она и говорила ему «нет», но таким неуверенным голосом, что он принял его за согласие.

К тому же полянка в городском парке была вовсе не подходящим местом для потери девственности. Почему она, не такая уж глупая и довольно хорошо разбирающаяся в мужской физиологии, так легко дала себя обольстить? Она до сих пор помнила его настойчивый шепот и тяжелое дыхание, страстные ласки, от которых невозможно было уклониться. Почему? Влюбилась глупо и безоглядно и решила, что он отвечает ей тем же?

Но даже в минуты наивысшего сексуального удовольствия он ни слова не говорил ей о любви. Ни тогда, ни потом. Это она была вынуждена бороться со своими чувствами, скрывать их, как чернота ночи скрывает блеск любимых глаз.

Порой ей так хотелось запустить пальцы в его густые волосы и сказать что-нибудь пусть глупое, но очень ласковое. Нежность переливалась из груди, затопляя всё вокруг и останавливалась, споткнувшись о неодобрительный изгиб его губ. Она попыталась перенести эту невостребованную нежность на дочь, и ей это почти удалось.

Правда, она заработала от него еще одно прозвище – шальная мамочка. Но это была такая малость на фоне всех других неприятностей, что она не обращала на нее внимание.

Под насмешливым взглядом мужа вытащила из шкафа свой плащ. Он так неприязненно следил за каждым ее движением, что она не сразу смогла попасть в рукава и пуговицы застегнула лишь с третьей попытки. В глазах Юрия ясно читалось: —Неуклюжая корова!

Подхватив дочь на руки, отец строго наказал ей сидеть смирно, и спустился вниз. Саша молча шла следом. Она всегда находилась позади, как покорная восточная женщина, Юрий не любил, когда она шла рядом. Не считал ее себе ровней?

Передав девочку матери, он вытащил из кармана пульт, отключил сигнализацию у стоявшей у подъезда Тойоты, открыл дверцу. Усадив Анюту в детское кресло на заднем сиденье, Саша села рядом с ней и пустым взглядом посмотрела по сторонам. Ехать к свекрови совершенно не хотелось. Нелюбовь Ларисы Львовны к невестке была такой же зримой и осязаемой, как презрение Юрия.

Единственный, кому она нравилась в семье мужа, был Евгений Георгиевич. Он любил внучку и не считал ее мать преступницей. Лариса Львовна, наоборот, была уверена, что она

женила на себе ее сыночка бесчестным обманом, и что она, такая неумеха, не имеет права дышать с ним одним воздухом. Она даже внучку звала не по имени, а только «девочка».

Несколько раз в ее речи проскальзывала фраза: «когда всё это кончится...», и было понятно, что она не считает их брак долговременным. Правда, при муже своих чувств не выказывала, держалась всегда лояльно, хотя и несколько отстраненно.

Как назло, по дороге они попали в огромную пробку. Чертыхнувшись, Юрий резко свернул на боковую улицу и задворками проехал до поворота. К дому родителей подъехали не с главного входа, а сзади, и остановились рядом с огромными мусорными баками.

Уничжительно посмотрев на жену, будто это из-за ее низких происков он оказался в таком неподобающем месте, Юрий неласково подхватил дочь, оставив жене громоздкую коробку с подарками, и решительными шагами ушел вперед, даже не оглянувшись, чтобы проверить, как Саша справляется с неудобной ношей.

Не думая о том, что ей тяжело, стал подниматься по лестнице, не вызывая лифт, предоставив жене выбор – или тащиться за ним на пятый этаж, или ждать лифт. Дочка, беспокойно покрутив головой, не увидела мать и растерянно ее позвала, чем заслужила от отца недовольный выговор.

Чтобы еще больше не расстраивать малышку, Саша догнала мужа и пошла сзади, успокаивающе улыбаясь испуганной девочке. Видя рядом два таких похожих лица, вновь отметила, насколько были схожи отец и дочь. Те же волосы, выражение лица, только глаза у девочки были синими. Это явное родство даже подозрительную свекровь заставляло не задаваться вопросом, Юрина ли дочь Аня.

Дверь была приоткрыта, их уже ждали. Юрий с порога заявил, что опоздали они только потому, что эта парочка – он указал подбородком на дочь с женой, – копошилась больше часа, хотя он подгонял их изо всех сил. Саше сразу представилась стада тупых овец, с которым ничего не смог сделать его добросовестный пастух.

Свекра в прихожей не было, поэтому мать, встречавшая их, с удовольствием сказала:

– Нельзя быть такой копушей, дорогая моя! И опаздывать просто неприлично! Мы все ждем только вас!

Муж со злорадством посмотрел на жену. Казалось, ему доставляет какое-то нездоровое удовольствие выдавать ее на расправу всем, кто попадется на дороге. У Саши в голове мелькнула неприятная мысль: а может, он энерговампир и ее боль ощущается им как нечто очень приятное? Чтобы не доставить ему такого удовольствия, оживленно сказала:

– Простите, Лариса Львовна, но вы ведь понимаете, как это – одевать возбужденного ребенка. Аня так обрадовалась, когда узнала, что поедет к бабушке...

Свекровь сердито поджала губы. Ее бесило одно это слово – бабушка. Саша, посмеиваясь про себя, молча наблюдала, как она поворачивается и уходит. Муж зло прошипел:

– Ты всегда знаешь, чем уколоть мать.

Саша удивленно пожала плечами. Что тут такого страшного – стать бабушкой? Хотя, возможно, когда она доживет до ее лет, ее тоже будет пугать это звание.

Комната была уже полна народу. Собрались родственники и друзья именинника. На столе чего только не было: каждый раз, когда Саше доводилось появляться в этом доме, ее поражали обильные застолья, устраиваемые свекровью. И не жаль ей своих трудов, ведь всё это великолепие не продержится и десяти минут?

Юрий небрежно подтолкнул ее к местам, оставшимся у самых дверей. Отдав дочь специально приглашенной для этой цели няне, Саша скромно уселась с краю. Сосед немедля пошутил:

– Не садитесь на угол, замуж не выйдете!

На что Юрий ответил:

– Ну что ты! Сейчас всем уже известно, что чем острее, тем быстрее.

Гость, а это был его двоюродный брат Костя, насмешливо поинтересовался:

– И что, ты только за?

Юрий с готовностью кивнул:

– Да с удовольствием! Еще и приплачу, чтобы взяли.

Константин с сочувствием посмотрел на Сашу, сочтя это дурной шуткой, но она, зная, что здесь каждое слово – правда, в пику мучителю мило улыбнулась и подтвердила:

– Конечно! Вот мне и приходится подыскивать хорошего жениха! У вас случайно никого подходящего на примете нет?

Она задорно взглянула в глаза соседу, смутив его. Он промямлил:

– Ну, если бы я не был женат...

Тут недовольно вмешался почему-то возмутившийся Юрий:

– Ну, хватит у порядочных женщин мужей отбивать! Тоже мне, женщина-вамп!

Саша с горечью посмотрела на мужа. Умеет же он выставлять ее в неприглядном виде! Никого она отбивать не собирается, просто опять ему надо злость на ней сорвать.

Но, сделав вид, что всё в порядке, отпила из налитого бокала. Юрий, которому пить было нельзя, он же за рулем, проследил за ее движением и презрительно усмехнулся.

У нее молнией сверкнуло в голове: Ага! Он ее к тому же и алкоголичкой считает! Это ее разозлило, и она выпила весь бокал. Вино было приятным, с легкой кислинкой, но на голодный желудок подействовало не лучшим образом. Она начала весело хихикать и кокетничать то с соседом, то с собственным мужем, не обращая внимания на его всё мрачнеющее лицо.

Наталья Владимировна, сидевшая слева подле именинника на другом конце длинного стола, с опаской поглядывала на непривычно оживленную дочь. Она давно подозревала, что у той не всё так гладко, как казалось со стороны.

Хотя Саша и скрывала от нее подробности семейной жизни, но нарочито небрежное обращение с ней мужа о многом говорило. Если он позволяет себе такие вещи в присутствии посторонних, то что же между ними происходит наедине?

Засмотревшись на дочь, не расслышала обращение сидящего рядом с ней мужчины, Николая Ивановича, кажется. Он ей не очень понравился – его взгляд, казалось, раздевал, что уже было неприятно. К тому же он постоянно сыпал не очень приличными, хотя и забавными, шуточками. Спohватившись, посмотрела на него и спросила:

– Вы что-то сказали?

Он тихо засмеялся.

– Дражайшая Наталья Владимировна! Вы первая, кто не обращает на меня внимания. До сей поры мне удавалось завладеть расположением дам без особых хлопот. Кто там сидит? Ваша дочь, кажется? Вы чем-то обеспокоены?

Сообщать незнакомцу о своих подозрениях было бы странно, и она принужденно рассмеялась, симметрично распределяя по краям тарелки листики салата:

– Да что вы! Всё прекрасно! – и снова устремила внимательный взгляд на край стола, пытаясь внушить дочке мысль об осторожности.

Ему это не понравилось. Он завладел ее рукой, сжал пальцы и нежно сказал:

– Вам кто-нибудь говорил о том, что вы очень красивая женщина?

Наталья Владимировна, сделавшая всё, чтобы не бросаться в глаза и не конкурировать с хозяйкой, скривилась. Чтобы избавиться от назойливого кавалера, мрачно подтвердила:

– Много раз! И мне это не нравится!

Он с удивлением посмотрел на соседку. Таких экземпляров он еще не встречал.

– Вы что, мужененавистница? И чем же вам досадил один из моих предшественников, что вы всех мужчин стали стричь под одну гребенку?

Наталья Владимировна с трудом оторвалась от слишком громко засмеявшейся над чем-то дочери.

– Никто мне ничем не досадил. Вы ешьте лучше. Лариса Львовна, как всегда, готовит потрясающе.

Он кивнул головой и положил ей на тарелку кусочек чего-то воздушного.

– И вы тоже попробуйте это божественное суфле. Судя по вашим словам, вы голодны. А я, – тут он показательно похлопал себя по туго набитому животу, не могу больше проглотить ни кусочка. Сегодня, во всяком случае. Каждый раз, как я ухожу от Женьки, жалею, что нельзя остатки захватить с собой. Ларка считает это дурным тоном.

Наталью Владимировну несколько покорибил его фамильярный тон. Он призван был подчеркнуть его близость к хозяевам. Она раздраженно вздохнула. Каждый раз, когда она появлялась в этом богатом доме, она чувствовала себя самозванкой. И какой черт толкнул ее отправиться тогда к Евгению Георгиевичу? Жили бы сейчас с дочкой тихо-мирно, никому ничем не обязанные.

Теперьшнее крайне неприятное ощущение благодетельствованной нищенки, которое искусно умела внушить Лариса Львовна, заставляло чувствовать ее себя в шелковом, но очень прочном капкане. Поймав неприязненный взгляд хозяйки, снова захотела уйти, но пробиться к выходу сквозь толпу гостей нечего было и мечтать. К тому же не хотелось бросать дочь на съедение лютый тигрице.

С довольным видом восседавший во главе стола Евгений Георгиевич звонко постучал вилкой по дорожному хрустальному бокалу, заслужив косою взгляд жены.

– Дорогие друзья и родственники! Давайте немного потанцуем, порастрясем жирок! Потом, я уверен, и деликатесы, приготовленные для вас моей дражайшей половиной, пойдут на ура!

Гости застучали отодвигаемыми стульями, готовясь пройти в соседнюю комнату, приготовленную для танцев. Евгений Георгиевич, подхватив Наталью Владимировну под локоть, увлек за собой. Едва зазвучала музыка, прижал ее к себе и повел в медленном танце.

Гости с подозрением следили за слишком низко склоненным к партнерше лицом именинника. Посмотрев по сторонам, она заметила множество любопытных глаз и постаралась сгладить возникшую напряженность, небрежно проговорив:

– Почему у вас постоянно музыка плавная такая, не для общих танцев?

Склонившись к ее уху, что выглядело на редкость интимно, он проговорил:

– Общие танцы выдуманы для того, чтобы женщины без пары не оставались. А мы всегда приглашаем равное количество гостей. Поэтому нам глупые поскакушки не нужны. Танец – это когда танцуют двое, а не толпа.

Насмотревшаяся на школьные будни Наталья Владимировна возражать не стала, а Евгений Георгиевич внезапно понял, что ему очень приятно обнимать сватью. Гораздо приятнее, чем жену. Чтобы убедиться в этом, на следующий танец пригласил Ларису, и убедился в этом. Это не стало для него открытием, хотя и доказывало, что он еще мужчина, и ему нравятся женщины.

Чего греха таить, он всё прошедшее время пытался познакомиться с Натальей Владимировной поближе. К его сожалению, она активно противодействовала, видимо, боясь последствий. Но он ничего дурного не хотел. Ему просто нравилось с ней болтать, во всяком случае, пока.

Возбуждая усиленное перешептывание, снова пригласил на танец сватью. Ничего не говоря, отдался почти позабытому наслаждению держать в своих объятиях хорошенькую женщину, и не видел, какими встревоженными глазами за ними следила Лариса.

Танец закончился, и Наталья Владимировна, не дожидаясь следующего, энергично освободилась из его объятий. Посмотрела по сторонам, увидела танцующую с каким-то длинным парнем дочь, стала пробираться к ней, чтобы поговорить, но на полдороге попала в руки Николаю Ивановичу.

Он безапелляционно облапил ее, как будто имел на это полное право. Поневоле танцуя с ним, она то и дело косилась в сторону чересчур уж радостно улыбающейся дочери. Он настойчиво спросил:

– Чем вы так обеспокоены, милейшая Наталья Владимировна? Дочка у вас радуется, а вы беспокоитесь? В чем дело?

Она перевела взгляд на кавалера и постаралась безмятежно улыбнуться:

– Всё хорошо, с чего вы взяли, что я беспокоюсь?

Он крепко пожал ей руку.

– Не пытайтесь меня обмануть. Я слишком хорошо знаю слабый пол, чтобы не понять, что вы не в своей тарелке.

Ее покорило очередной намек на его успех у женщин, и она отбросила светский тон.

– Что бы я ни чувствовала, вас это не касается! – она произнесла это достаточно высокомерно и в подтверждение смерила его полупрезрительным взглядом, облив вселенским холодом.

В ответ он неожиданно рассмеялся и сильнее прижал к себе.

– Как приятно, что первое впечатление меня не обмануло. Я решил, что вы та еще штучка, и не промахнулся! Давайте я подвезу вас сегодня домой?

Наталья Владимировна возмутилась до глубины души. За кого он ее принимает? За неразборчивую шлюшку? В ее жизни уже был период, когда после рождения дочери ей предлагали связь без всяких обязательств, полагая, что она и этому будет рада, но после стольких лет безгрешной жизни?

Она решительно освободилась от его рук и пошла к дивану, на котором уже сидело несколько уставших дам. Присев на край так, чтобы рядом с ней не осталось места, огляделась. Николай Иванович не потащился за ней, а, как она и надеялась, исчез в соседней комнате, где не желающие танцевать мужчины курили на балконе.

Лариса Львовна, видя, что подвыпивший муж снова вознамерился пригласить сватю на танец, решительно позвала всех в гостиную, где на столе появились новые блюда, и пиршество продолжилось.

Наталья Владимировна, которую от именинника отделил своими плечами пересевший Николай Иванович, не знала, что хуже – слушать его ироничные комплименты своим мнимым чарам или видеть заинтересованные ее слишком тесным общением с хозяином взгляды остальных гостей.

Часам к десяти, после того, как народ наелся так, что больше никто не смог запихнуть в себя ни кусочка, все тихо разбрелись по домам, благодаря хозяев за гостеприимство. Кое-кто, не желавший связываться с общественным транспортом и поэтому пожертвовавшим спиртным, отъезжал на собственных машинах, кто-то вызывал такси.

Юрий, с мрачным видом отбывший одним из первых, долго что-то выговаривал Саше, обвинительно взмахивая руками. Поскольку невозможно было одновременно излить желчь и вести машину, он долго стоял под окнами, давая возможность наблюдать за ними всем желающим, в том числе и обеим матерям.

Они стояли в гостиной и, сердцем что-то почувствовав, одновременно выглянули в окно. На лице Ларисы Львовны отразилось откровенное злорадство, которое она даже и не пыталась скрыть, а Наталье Владимировне очень захотелось вмешаться, защитить дочь. Они обе с ней совершили ошибку, но ведь вполне поправимую?

Решив при первой возможности убедить Сашу избавиться от этой неприятной семейки и вернуться с Анютой домой, ведь в их квартирке вполне хватит места для троих, она стряхнула с рукава мешковатого платья прилипшую пылинку, жалея, что нельзя так же просто стряхнуть и все прочие проблемы.

Кто-то тронул ее за руку. Она повернулась, пытаясь восстановить ровное состояние духа. Это был не Евгений Георгиевич, чего она страшилась, а Николай. Он пристально посмотрел в ее лицо, и она догадалась, что он все понял. Это ей категорически не понравилось.

Усмехнувшись, бесцеремонно потянул ее за рукав к выходу. Она хотела было возмутиться, но тут к ней подошла Лариса Львовна с подозрительным блеском в глазах.

Грешным делом Наталье Владимировне показалось, что сватье очень хочется вцепиться ей в волосы, и мешает ей не хорошее воспитание, которое она старательно подчеркивала, а излишек свидетелей.

Смекнувший о переживаниях старинной приятельницы Николай Иванович защитным жестом взял под руку негодную гостью и пообещал хозяйке, обеспокоенной сохранностью драгоценной гостыи, – а чем же еще? – доставить ту домой.

– Прекрасная Лариса! Не тревожься, пожалуйста, я собственноручно доставлю твою родственницу домой! В целости и сохранности! – и он подмигнул с неким интимным подтекстом.

Наталье Владимировне эта развязность не понравилась, но у хозяйки посветлело лицо, и она почти приветливо попрощалась, старательно оттирая мужа, проводившего вниз группу гостей и сейчас пытавшегося раскланяться с уходящими.

Вызвав лифт, Николай крепко придерживал под руку спутницу, будто опасаясь, что та может сбежать. Вместе с ними уходила еще одна молодая пара, вроде бы кузен Юрия с женой. Наталья Владимировна напряглась и даже имена припомнила – Костя с Ириной. Вот что значит многолетняя практика. Хотя она видела их только раз на прошлом дне рождения Ларисы Львовны, но память ее не подвела.

Парень, виновато поглядывая на жену, сказал:

– Сегодня Сашка была какая-то не такая. Слишком веселая, что ли?..

Наталья Владимировна перевела вопрошающий взгляд на Ирину. Женщины всегда наблюдательнее мужчин. Та, не в силах устоять перед требовательным взглядом учительницы с двадцатилетним педагогическим стажем, признала правоту мужа:

– Да, что-то с ней не то сегодня. Возбуждена она чересчур. И Юрий такой сердитый...

Наталья Владимировна повесила голову. Ну, чему быть, тому не миновать. Бедная Саша, ей сегодня явно не поздоровится. Хотя Юрий и не будет распускать руки, но уж языку-то волю даст, в этом никаких сомнений нет. Не заметив в своей тяжелой задумчивости, куда ее ведут, остановилась только перед распахнутой дверцей иномарки. Отпрянув от нее, сердито указала спутнику:

– И зачем вы меня сюда притащили? Не собираюсь я с вами никуда ехать!

Николай Иванович недовольно взглянул на нее.

– Поедете! Хотя бы потому, что Лариса стоит у окна и следит за нами! А потом, я дал слово, что довезу вас до дома, а слово свое я всегда держу! И не заставляйте меня силой запикивать вас в машину! Зрелище, доложу я вам, будет преуморительным!

Наталья Владимировна доставлять прохожим радость неожиданным цирковым представлением не захотела. Не поворачивая головы, хотя ей и хотелось проверить, действительно ли Лариса наблюдает за ними со своего пятого этажа, плавно скользнула внутрь темного салона и аккуратно расправила на коленях складки длинного платья.

Николай с силой захлопнул за ней дверцу, обошел вокруг машины, с уханьем шлепнулся на низкое сиденье водителя и нажал на газ. Когда они отъехали от дома, Наталья Владимировна посмотрела назад и уточнила:

– Лариса Львовна и в самом деле смотрела на нас, или это ваша выдумка?

Он неприязненно буркнул, пытаясь вытащить одной рукой сигареты из бардачка, делая другой какие-то сложные маневры с рулем:

– Конечно! Я что, похож на вруна?

Она мило подтвердила:

– Однозначно, в этом никаких сомнений нет. К тому же прошу вас не курить. Я не выношу табачного дыма.

С раздражением закинув обратно в бардачок нащупанную там пачку сигарет, он рыкнул:

– Ну вы и язва! И что в вас Женька нашел?

Она удивилась.

– Ничего он во мне не находил. Я не потеря из бюро находок.

Николай коротко хохотнул. Наталье Владимировне не понравились прозвучавшие в его голосе презрительные ноты.

– Ну уж прямо! Усадил вас при всех рядом с собой, подчеркивая вашу близость, а потом изобрел танцы, чтобы только облапить вас так, чтобы все поняли, кто есть кто! Бедная Ларка! Недаром она так осунулась в последнее время!

Наталья Владимировна ничего подобного не замечала, но спорить по этому поводу не бралась – ему виднее. Возражать и оправдываться сочла ниже своего достоинства, поэтому сухо сообщила свой адрес и отвернулась к окну. Подъехав к дому, попрощалась и хотела было уйти, но Николай, с глухим стуком захлопнув дверцу и включив сигнализацию, двинулся следом.

Возмущенная его бесцеремонностью, она повернулась к нему, желая дать отлуп, но Николай насмешливо спросил:

– Что, будем разговаривать при них? – и кивнул на группу молодежи, хором поздоровавшейся с Натальей Владимировной и теперь пялящихся на них во все глаза.

Ей пришлось сделать вид, что всем довольна. На лестнице, как обычно, было темно. На втором этаже она поспешно предупредила:

– Осторожно, здесь обычно Борис спит.

Не поняв, кто это такой, непрошенный гость чуть не запнулся об свернувшегося на полу уютным клубочком мужика и нервно выругался.

– Это и есть Борис? Я-то думал, это кот!

Наталья Владимировна с холодком в голосе уточнила:

– Это местный бездомный. Он тут обосновался и живет. Зато у нас ни наркоманов нет, ни чужих алкашей. Боря их не пускает. Он свою территорию охраняет. Ну, и иногда ремонтирует, кто что попросит. Недавно кран мне чинил.

Николай Иванович развеселился.

– А если он сюда бомжиху приведет и бомжат разведет? Что тогда делать будете?

Наталья Владимировна пожала плечами. Она предпочитала решать проблемы по мере их появления, а не волноваться из-за возможности грядущих неприятностей.

– Вряд ли. Бомжихи – дефицит. Их очень мало и у них огромный выбор. Поэтому они предпочитают мужиков со своим жильем. Будкой трансформаторной или уютным подвальчиком. А наш Борис что может предложить? Проходную лестничную площадку?

Заинтересовавшийся Николай Иванович повернулся к собеседнице и споткнулся-таки об последнюю ступеньку. Чуть слышно чертыхнувшись, провокационно спросил:

– А пятый этаж? Там ведь площадка есть. И почти не проходная.

Наталья Владимировна остудила его пыл:

– А его выше третьего этажа не пускают. Там у нас элитное жилье.

Остолбеневший от такого заявления Николай пораженно замолк и провел глазами по площадке четвертого этажа. Здесь было чисто и стены не испоганены сквернословием, но – элитное? Видя его изумление, Наталья Владимировна поправила:

– Ну, в масштабах нашего дома, естественно. – И, открыв дверь, не очень любезно разрешила: – Заходите!

Он вошел и огляделся. Обычная женская квартира. Ни запаха табака, ни разбросанной одежды. Цветы и чистота. Не то, что у него. Почему-то ему вдруг захотелось здесь остаться. Возможно, навсегда.

Он повнимательнее посмотрел на уставшее лицо спутницы, которое на своей территории вдруг потеряло свою жесткость и не казалось уже твердокаменным.

Устало проведя рукой по лбу, хозяйка внезапно она попросила:

– Вы не возражаете, если я переоденусь? Так надоело это нелепое платье!

Гость удивился, но кивнул головой и стал ходить по комнате, заложив руки за спину и готовя обличительную речь. Она скрылась в ванной и через пару минут показалась не в длинном теплом халате, как он ожидал, а в обрезанных выше коленей джинсах, с распущенными волосами и без капли косметики. Он второй раз за вечер оторопел.

Наталья Владимировна казалась очень молодой, даже юной. Только сеточка морщинок под глазами выдавала возраст. Стройная фигурка вполне соответствовала стандартам красоты 90х60х90. Весело тряхнув освобожденной от шпилек головой, отчего русые волосы разметались по плечам, взмахом руки показала ему на диван, сама села рядом.

– Ну, о чем вы хотели со мной поговорить? О том, что нехорошо соблазнять чужих мужей? Так о том, что я этим занимаюсь, я узнала только сегодня. От вас.

Он хотел аргументированно возразить, но не мог собраться с мыслями. Эта новая Наталья Владимировна смущала и интриговала его. Наконец он стыдливо, удивляясь самому себе – не смущался уже лет сто! – проговорил:

– Понимаете, меня Лора попросила с вами переговорить. В последнее время Женька стал сам не свой. Мечтательный такой, всё о чем-то думает. Ларису в упор не замечает.

Она скептически хмыкнула и убрала со лба прядь пышных волос. Николай проследил за этим невинным жестом жадным взглядом. Он показался ему гораздо более возбуждающим, чем откровенные танцы полуголых красоток, развязно мелькающих по всем каналам телевидения.

– А раньше что, замечал? Мне с первого взгляда показалось, что она для него не человек, а так, привычный предмет обстановки, что-то вроде табуретки. Если она вдруг исчезнет, он заметит, конечно. Ведь здесь столько лет что-то стояло. Но вот только что? С первой попытки и не припомнит.

Николай Иванович замялся. Он тоже так считал, но говорить об этом не собирался. С непривычным трепетом признался себе, что рад такому обороту дел, но не за Лариску, а за себя. Давненько его так не волновала женщина. Хотя на этот раз, похоже, объект попался очень сложный.

– Ну, я очень рад, что ей всё это только показалось.

Наталья Владимировна поправила:

– Ну, радоваться тут особо нечему. Если жена чувствует, что муж глядит налево, то это, как правило, вполне оправданно. Как говорится, шерше ля фам. Только вот я в данном случае вовсе ни при чем. Ищите другую.

Николай Иванович пожал плечами. Ларкино задание он выполнил, теперь самое время позаботиться о себе. Если на вечере Наталья ему не нравилась, казалась чопорной и пустой зазнайкой, то теперь, скинув маску, откровенно его заинтриговала. Если ее в таком виде хоть раз видел Женька, то его поведение вполне оправдано.

Он осторожно попросил:

– Может быть, чайку попьем?

Наталья Владимировна с недоумением посмотрела на назойливого гостя.

– Какой чай? В вас что, еще что-то может влезть? Да как вас жена-то кормит? Вы же троглодит!

Он поправил, проглотив обиду:

– Я не женат, так что проблем нет. И к тому же обычно я ем очень мало.

Понятливо на него посмотрев, она сделала верный вывод:

– Итак, вы пытаетесь продлить знакомство! А для чего? Тоже Лариса Львовна велела? Отвлечь неприятеля на себя, чтобы не зарился на чужое достояние?

Он неискренне возмущился, потому что именно об этом та и просила его в их последнем разговоре. Правда, выполнять он это дурацкое указание не собирался, просто уж так совпало.

– Да при чем тут Ларка! Я ведь не мальчик по вызову, чтобы мне подобные указания давать! – при этом он так старательно таращил глаза, чтобы выглядеть правдивей, что Наталья Владимировна обо всем догадалась.

– И кого вы решили провести? Учителя с моим опытом работы? Да я нечестные физиономии с закрытыми глазами определяю! Идите-ка вы отсюда, да побыстрее, пока я всерьез не разозлилась! – дабы он понял, что это вовсе не шутка, поднялась и встала рядом, дожидаясь, когда он последует ее примеру.

Он неохотно поднялся и побрел к двери. Посредине коридора внезапно остановился и повернулся, и она, шедшая сзади большими решительными шагами, воткнулась в его грудь. Не мешкая, он обхватил ее руками и прижался к ее рту. Просто для того, чтобы попробовать, какова она на вкус и стоит ли тратить на нее свое время.

И тут произошло чудо, не бывавшее с ним уже лет двадцать, а может, и никогда: сердце остановилось, ухнуло куда-то вниз, а потом начало биться тяжкими жадными точками. Низ живота неистово свернуло тугой трубочкой, отчаянно жаждавшей прижатого к нему женского тела.

Нет, он никогда не был импотентом, но чтобы захотеть женщину, ему нужна была долгая прелюдия: нежные ласки, чистая постель и обязательный душ до и после. И вдруг он хочет, нет, откровенно жаждет эту полужнакомую женщину в совершенно непривычной обстановке!

Более того, при малейшем поощрении он без всякого колебания готов устроиться с ней на голом полу посредине этого микроскопического коридорчика! Он не узнавал самого себя. Или он вообще себя не знал?

Отстранился только после чувствительного тычка в бок. Жалко попросил, заранее зная, каким будет ответ:

– Можно мне остаться?

Услышав ожидаемое «нет», почувствовал себя маленьким обиженным мальчиком, которому не дали обещанную конфету. Но уходить всё же не хотел. Подперев плечом дверь, стоял перед ней и впервые в жизни раздумывал, что бывает за принуждение женщины. Термин изнасилование применять не хотел, потому что был уверен, что до этого не дойдет – в пылу борьбы она непременно захочет того же, что и он.

Догадавшись по помутневшим глазам мужчины о его зловещих намерениях, хозяйка предупредила:

– Вы не боитесь за свою драгоценную машину? Сразу предупреждаю: у нас здесь полно людишек со специфическими способностями! Для них никакой замок не преграда!

Он взмахнул рукой, отменяя такую возможность. Тут же, наказывая его за легкомыслие, за окном взвыла его бедная машинка, и ему пришлось броситься вниз, расстроено услышав за спиной безнадежный стук закрываемой двери.

На мгновение пожалел, что не остался, плевать на Вольво, оно застраховано, но ноги привычно несли его на вопли родной иномарки. Выскочив на улицу, увидел, что вокруг никого нет.

Открыв дверцу, убедился, что внутри всё в порядке. У подъезда метнулись чьи-то длинные тени и раздался сдавленный смех. Он понял, что местные детишки решили проверить крепость его чувств.

Наверняка решили, что оторвали его от самого приятного. Что ж, они не намного ошиблись. Посмотрел вверх, раздумывая, есть ли смысл вернуться. Но смех стал громче, и он

понял, что в покое его всё равно не оставят, а бегать вверх-вниз, радуя невзыскательных зрителей, не в его характере. Громко чертыхнувшись, завел мотор и уехал.

Лариса протирала последний бокал богемского стекла с вычурным золотым вензелем. Она не доверяла эти изящные вещицы ни посудомоечной машине, ни помогавшей во время семейных празднеств помощнице.

Поставив его в элегантную горку из карельской березы, прошла по квартире, оценивая взглядывая вокруг. Везде был порядок. Делать больше было нечего. Напольные часы с позолоченным херувимчиком громко пробили второй час ночи.

Лариса призадумалась. Время для разговора с мужем неподходящее. Он спит. А если и не спит, то разговаривать с ней наверняка не будет. Он никогда с ней не разговаривает. Даже вопросов ее не слышит.

Склонив голову, прошла в комнату, где еще пару часов назад танцевали гости и встала в уголок. В голове тотчас зазвучала музыка, и перед глазами возникло непривычно оживленное лицо Евгения, просительно заглядывающего в глаза сватье, и, что уж самое ужасное, совершенно неприлично притискивающего ее к своему напряженному телу.

Лариса защитным жестом прижала руки к животу и жалко шмыгнула носом. Неужели сбываются ее худшие сны, и муж уйдет к другой? Она много лет не допускала самой этой мысли, внушая себе, что она самая заботливая мать, самая хозяйственная жена и великолепная кулинарка. А что еще нужно мужчинам, которые, по сути, просто животные? Еда, чистое белье и секс. А духовная близость и общие интересы всего лишь жалкие выдумки.

Тишина в пустой квартире оглушала. Евгения не было слышно. Она подошла к дверям кабинета и прислушалась. Ни звука. Спит. А вот ей не до сна. Она в последнее время вообще спала мало и плохо. Недаром все знакомые заметили, как неважно она выглядит, несмотря на все ее ухищрения и несколько сеансов, проведенных в косметическом салоне.

Сколько ей сегодня довелось выслушать и искренних и не очень вопросов о самочувствии!

А всё началось с той дурацкой свадьбы. Муж с таким сочувствием поглядывал на молодую жену сына, что она поневоле заподозрила его не в самых отеческих чувствах. Но сдержалась, ничего ему об этом не сказала. Только постаралась, чтобы молодые не так часто появлялись в их доме.

Хотя запретить ему навещать сына с женой, конечно, не могла. Он ей об этих визитах ничего не говорил, она узнавала о них из случайных высказываний сына, и это только укрепляло в подозрениях. А что? Сколько таких случаев? Не сосчитать! Она знала, что Чарли Чаплин отбил невесту у собственного сына. Правда, среди ее знакомых таких примеров не было, но это не означало, что и не будет.

Поняла она, что он нацелился вовсе не на дочь, а на мать, только год назад, когда они отмечали ее день рождения. И зачем только она пригласила на него Наталью Владимировну? Хотя это было прямое указание Жени, но ведь день рождения-то был ее, и она вполне могла приглашать лишь тех, кого сама хотела! Да еще затеяла дурацкий спор с этой учителькой о том, что должна, а что не должна делать молодая жена.

Хотела-то она укорить не умеющую вести дом Александру, а получилось наоборот. В ушах до сих пор стоял собственный, как ей тогда казалось, спокойный голос, дипломатично спрашивающий, считает ли сватья, что в доме всё должно лежать на своих местах.

– Понимаете, когда я прихожу к нашим молодым, у них всё везде раскидано. Разве можно нормально жить, если в доме беспорядок?

Конечно, она несколько преувеличила и особого беспорядка у Саши не бывало, но так хотелось ткнуть эту пренеприятную особу в то, что собственную дочь она воспитала из рук вон плохо. Так хотелось, чтобы Наталья Владимировна покраснела и начала стыдливо оправдываться, но та недоуменно пожала плечами и спокойнехонько признала:

– Да я никогда внимания не обращаю на этот так называемый порядок. Главное, чтобы все нужные вещи были под рукой, а уж что где лежит – какая разница? Я сама стараюсь тратить на уборку самый минимум времени, его и так мало. Я вообще жалею тех женщин, которые всю свою жизнь бездарно потратили на уборку, стирку и мытье посуды.

И в недосказанных словах подразумевалось: но тем, кто не работает, видимо, просто делать больше нечего. Но как это убого – провести всю жизнь в роли прислуги! Догадавшись, что это поняли все окружающие, Лариса побледнела и попыталась сохранить лицо, для чего строго указала:

– Но как жить, если вокруг настоящий хаос? Ведь даже древние считали, что без порядка не совершишь великих дел!

Это прозвучало на редкость высокопарно, это она поняла и сама, без укоряющего взгляда мужа. Но сватья и не думала смущаться. Наоборот, она приняла вид всё знающей педагогини и подчеркнула:

– А самое великое дело для наших молодых сейчас – это ребенка вырастить, а не за чистоту с порядком бороться. К тому же Саша только что сессию сдала, и у нее скоро защита диплома. Юрий только-только кандидатскую защитил. Так что порядок подождет. Он тем и ценен, что его в любое время навести можно.

И вот тут Евгений с такой любовью посмотрел на эту учительку, что у Ларисы захолонуло сердце. Да-да, в его взгляде светилось не уважение, не интерес, а самая настоящая любовь! Возможно, он еще сам это не до конца осознал, но она-то, Лариса, сразу его раскусила!

Ах, зачем она вообще затеяла эту перепалку, да еще за столом, нарушая собственные правила! А всё это нелепое желание уязвить ненужных родственников! Вот и добилась противоположного!

Страхнув неприятные воспоминания, приняла душ, надеясь, что прозрачные струи теплой воды смоют заботу с уставшего тела и легла в постель, понимая, что всё равно не заснуть. По щекам бежали слезы страдания, унижения, и еще чего-то...

Может, сожаления? Действительно, провести всю жизнь на кухне, – это убого. Разменять божий дар на жалкие пятаки! Ведь, по сути, она всегда знала, что ее ценят за организуемый ею комфорт, уют, вкусную еду, но – не любят. Ни муж, ни сын, хотя она изо всех сил старалась стать для них незаменимой.

Успокаивая сердце, с надеждой подумала, что, возможно, Николай уже в постели с Натальей, недаром он числится в записных дамских угодниках. Вот ведь как забавна жизнь – при взгляде на него и не подумаешь, что ни одна из известных ей женщин, несмотря на семейное и общественное положение, не смогла ему отказать.

Что-то было в нем такое, что притягивало женщин, как магнитом. Может быть, юмор, а, может быть, его несерьезное отношение к жизни, когда всё вокруг кажется сущей ерундой, достойной в лучшем случае ироничного смешка? Она и сама несколько раз забывалась под его ласкающим взглядом, и, если бы не его верность дружбе, неизвестно, чем бы дело кончилось.

Вряд ли против него устоит эта цаца, тем более что он обещал пустить в ход всё свое обаяние. Тогда и ей больше не о чем будет беспокоиться, только бы Николай не прекращал своей игры в кошки-мышки.

Вздыхнув в последний раз, наконец заснула и не слышала, как по коридору беспокойно бродит Евгений, которому не спалось от выпитого вина, возбуждения и впервые сделанного открытия. Сегодняшний день наполнил его нетерпением и давно забытыми ощущениями. Он не помнил, когда чувствовал так сильно.

Нет, сильных чувств в его жизни конечно, хватало, – ответственность, злость, когда что-то шло наперекосяк, даже ненависть, всё это ему было хорошо знакомо, но все они были чувствами общечеловеческими, а не мужскими. Сегодня он вспомнил, что чувствует мужчина к желанной женщине. И это была не жена.

Уйдя в кабинет и опасливо поглядывая на дверь, он произнес вслух: Наталья Владимировна. Наталья. Наташа. Услышанное ему понравилось. Оно звучало нежнее и тоньше, чем грубоватое Лариса. Не раздеваясь, он растянулся на диване и мечтательно прикрыл глаза. Остатки ощущений, возникших во всем теле, когда он слишком недолго держал ее в своих объятиях во время быстро окончившегося танца, заставили его негромко застонать.

Он не знал, желает или нет новых отношений. Всё было уже так привычно, так налажено. Стоило ли менять жизнь из-за странного бурления крови? Вдруг это окончится так же быстро, как началось? Хотя он не прав, началось это довольно давно и не сразу.

Он припомнил свои визиты к молодым, когда там изредка появлялась и мать невестки, всегда такая неожиданно разная. То она забежала из школы, строго соответствуя стандартному облику придирчивого учителя, в строгом костюме и бабушкиным узлом на голове. То вдруг представляла перед ним бесшабашной молоденькой девчонкой с распущенными волосами в старых истрепанных джинсах.

Он не мог понять, где она настоящая, и потому всегда держался с ней настороже. Иногда Наталья Владимировна пыталась учить его этикету или правильному отношению к жизни, и тогда Саша прерывала ее и просила у него прощения за учительскую болезнь матери. Та тоже смеялась, и, оправдываясь, говорила, что двадцать лет учительства хоть из кого сотворят истинную зануду.

Чувствуя, что напряженное тело истово просит женской ласки, пошел в ванную, намереваясь полечиться ледяным душем. С опаской посмотрев на Ларисину спальню, в которой не бывал несколько лет, на цыпочках прошел мимо, боясь разбудить жену и услышать вопросы, на которые у него не было ответов. Уж лучше делать вид, что всё по-прежнему и ничего не изменилось.

Саша попыталась растереть виски тонкими пальцами, чтобы избавиться от нарастающей боли. У нее всегда начинала болеть голова от выпитого шампанского. Если можно было где-нибудь спрятаться, она с удовольствием бы это сделала, только бы не слышать очередной мужнин нагоняй.

Юрий начал нудить еще садясь в машину. «Как ты могла, что о тебе подумают мои родители, родственники, друзья отца! Там были такие важные люди!» Как будто она устроила стриптиз на столе. Она ничего такого не выкинула, хотя порой и очень хотелось. Но она держала себя в руках, не забывая, кто она и где.

Муж продолжал, не обращая внимания на ее побледневшее лицо, изображая переливчатыми модуляциями красивого баритона всё свое к ней презрение:

– Так вести себя может только откровенная потаскушка. Ты просто вешалась на шею Константину! Ему было так неловко перед своей женой и другими гостями. Если бы я тебя не придерживал, ты бы и на ковре перед ним улеглась! Ирина на тебя так смотрела, я чуть со стыда не сгорел, а тебе хоть бы хны!

Саша устало вздохнула. Умеет же он превратить человека в полное ничтожество одной-двумя фразами. И где только научился? Или это врожденный дар? Костя с Ириной, кстати, и не думали ее осуждать, более того, они все вместе так славно смеялись над разной ерундой и, если бы не злое взглядие вечно недовольного Юрия, им было бы гораздо веселее на этом весьма чопорном мероприятии. Ирина, шепнувшая ей перед уходом пару сочувственных слов, была того же мнения.

Саша уныло следила за проходившими мимо гостями, с интересом поглядывавшими на них, и завидовала их довольству и спокойствию. Ей очень хотелось возразить мужу, но, по опыту зная, что оправдания и возражения только усугубят ситуацию, не споря, терпеливо ждала окончания разноса, надеясь, что его злые слова не разбудят дочку, задремавшую на заднем сиденье.

Пусть выговорится, если уж ему так этого хочется. Юрий, всё больше свирепея от ее, как ему казалось, равнодушного молчания, продолжал с всё возрастающим запалом:

– И после этого ты еще можешь смотреть мне в глаза, хотя ты в ногах у меня должна валяться, прощения просить!

Она негромко хмыкнула. И как он себе это представляет? Чтобы на них пялилось еще больше народу? Негромко попросила:

– Давай поедem домой, Аня уже спит.

Он заглянул в машину. Дочка, утомленная бурным днем, спала на своем креслице, раскинув в сторону ручки и ножки. Юрий сел на место водителя, подождал, когда жена устроится сзади и нажал на газ, продолжая бурчать:

– О дочери она беспокоится! А обо мне ты беспокоилась, когда выставляла на посмешище?

Она внезапно догадалась:

– Да ты просто ревнуешь! Точно! Бесишься от того, что я не с тобой флиртвала, а с соседом! Вот из-за чего сыр-бор!

Он хотел возмутиться, но роль водителя плохо сочеталась с исполнением роли оскорбленного в лучших ожиданиях мужа, и Юрий был вынужден замолчать, внимательно следя за дорогой.

Затормозив у подъезда, подождал, пока жена достанет из машины спящую дочь, и погнал Тойоту на платную стоянку. Вернувшись домой, обнаружил Анятку уже спящей в кровати. Уведя жену в другую комнату, продолжил головомойку.

Саша чувствовала себя фантастически. Наверное, это от излишне выпитого сегодня вина, ведь она почти никогда не пила. И, самое странное, – недовольный муж казался ей не сердитым, как обычно, а смешным. Очень смешным. Этаким чопорный зануда воспитывает свою глупенькую жену. Вот если бы он ее любил, это было бы другое дело, а так... Его речи говорили лишь об оскорбленном самолюбии, не более того.

Она впервые его не боялась и даже сдавленно хихикала в особенно патетических местах его гневной речи. Вино сделало ее раскрепощенной и свободной. Настолько свободной, что она совершенно не боялась его потерять. Тем более, что он ей никогда и не принадлежал, что усердно подчеркивал.

А что тут такого? Все разводятся – и ничего. Подумаешь, она и без него проживет, просто будет жить, как все, только и всего.

Юрий же никак не мог остановиться. Словоблудие засасывало, толкая на всё новые и новые оскорбления. Ему почему-то очень хотелось увидеть слезы раскаяния на ее лице, но оно выражало лишь искреннюю заинтересованность и одобрение после его особенно удачного стилистического оборота. Казалось, она сейчас воскликнет: Лихо! – И громко хлопает в ладоши, но она молчала, лишь пристально следя за его губами.

Он замолчал и прошелся по комнате, начиная понимать, что она слишком пьяна, чтобы всерьез воспринимать случившееся. Сухо скомандовал:

– Ложись спать! – и хотел пройти в ванную, как она неожиданно спросила:

– Юрий, а зачем ты вообще со мной живешь? Ведь мы бы могли давно развестись. Правда, где бы мы жили в этом случае, ведь квартира принадлежит твоему отцу?

Он с нарочитой усталостью поднял глаза к небу, вопрошая, что делать с пьяной бабой, но Саша не отставала.

– Да не смотри ты так, я вовсе не так пьяна, как ты думаешь. Просто храбрости немного добавилось, только и всего. Я всё понимаю и язык, как ты слышишь, не заплетается. Если надо, я даже по одной половине без труда пройду!

И она действительно прошагала по прямой, ни разу ни пошатнувшись.

– Ну, убедился? Давай поговорим, а то завтра у меня уже не хватит на это смелости, а мне почему-то кажется, что нам надо кое-что прояснить.

Она подошла к нему и положила руки ему на грудь, прямо посмотрев в глаза.

– Или ты просто трусишь? Признайся, что тебе очень нравилось владеть бессловесной женой. Но мне это надоело. Или, вернее, – она торопливо поправилась, – не надоело, а... – она не смогла подобрать нужное слово. – В общем, больше я так жить не могу. Я тоже человек, хоть ты этого и не замечаешь.

Он холодно заметил:

– Ну, если ты так трезва, что считаешь себя человеком, то объясни мне, почему заставила пойти на этот идиотский брак? Если бы ты тогда отказалась, меня никто бы силой под венец не затащил! – и он рассеянно прикоснулся к пострадавшей когда-то от отцовского кулака скуле.

Она с горечью проследила за его жестом.

– Дура была. Почему-то думала, что ты оценишь меня, привяжешься, может быть, даже полюбишь. Извини, была не права. Но тебе-то что мешает развестись со мной сейчас?

– Да то же, что и тебе – квартира. – Он лукавил, и прекрасно это понимал, но гордость заставляла играть принятую на себя роль до конца. – Если бы она была моя, я бы просто ее разменял на две однокомнатных, попроще. А так – куда мне деться? С родителями жить я больше не буду. Не маленький.

Саша уныло всхлипнула.

– Ты намекаешь, что уйти должна я?

Он потемнел.

– Ты хочешь сказать, что уйти должен я?

Она не хотела, чтобы он уходил, она мечтала о его любви, но вместо этого робко подтвердила:

– Ну, это было бы правильнее, всё-таки со мной останется ребенок. Ты же не собираешься воспитывать Анюту?

Взвившись от ее беспощадных слов, Юрий завопил:

– Правильнее! Ты сама такая правильная, что тошнит! Порядочность, достоинство! Да откуда ты выпала? Из какого века? Глупости всё это!

Она развела руками.

– Прости, но уж такая я есть. Вряд ли стану другой. Да и не хочу.

Юрий внезапно остановился, на что-то решившись.

– Ладно! Завтра я уйду, а ты подавай на развод. Так будет лучше для всех. По крайней мере, перестанем жизнь друг другу портить, но вначале... – не договорив, он схватил ее на руки и бросил на кровать.

Затем, второпях сдернув рубашку и брюки и задрав на ней подол, вонзился в нее в неистовом стремлении наказать. Успокоившись, упал рядом и прошептал:

– Наверное, вот поэтому я и жил с тобой почти три года. Мне просто хорошо с тобой в постели.

Глотая слезы она уточнила:

– Но ведь это вовсе не главное, к тому же легко заменяемое.

Он с удовольствием согласился:

– Ага, легко заменяемое!

Поднялся и пошел в ванную. Вернувшись, подвинулся к ней ближе, повернул к себе и снова впился в ее губы. Саша не могла понять, что это – наказание, попытка показать ей, что она теряет или нечто большее? Он был горяч, так горяч, как никогда не бывал за годы их такой странной совместной жизни. Почему? Пытается наверстать упущенное, или запастись впрок незабываемыми воспоминаниями?

Во всяком случае, он не был безучастно-спокоен, как обычно. Он стал похож на себя прежнего, таким, каким она помнила его в их первую ночь. Привычный ритуал, похожий на чистку зубов перед сном, был нарушен. Он брал ее снова и снова, словно пытался заставить просить пощады.

Но она не собиралась его останавливать. Эта утомительная любовь внушала некую призрачную, но надежду: возможно, она не так безразлична ему, как он пытается показать.

Успокоился Юрий только под утро, и Саша уснула, потная и всклокоченная, не имея сил принять душ после постельных излишеств. Но Юрий не спал. Он лежал рядом с ней и раздумывал, в какую же дурацкую западню загнал сам себя.

Ведь, по сути, всё это время он вел себя как глупый избалованный мальчишка, которого заставили сделать нечто им нежеланное. Он дулся, пытался отомстить за это всем, кто попался под руку. Больше всего, конечно, доставалось Саше, как главной виновнице принуждения.

А если бы он женился на ней сам, без вмешательства отца? Он искоса посмотрел на лежащую рядом девушку. Она тихо спала, утомленная его ласками. Ему пришло в голову, что сегодня он впервые любил ее так, как любят по-настоящему желанную женщину. Эта мысль принесла странное удовлетворение. Возможно, она будет вспоминать их прощальную ночь с сожалением и досадой.

А если не уходить? Попробовать всё сначала? Но фантазия тут же представила молодежные дискотеки, полные стоворчивых девиц, ночи, проведенные без сна в поиске удовольствий, и откинул дурацкую мысль о продолжении вынужденного брака.

Это они правильно сделали, что решили развестись. Слишком они разные. Она чересчур правильная, скучная и неприметная. А он – о, он совсем другой! Он яркий, видный, и как, говорит мать, брутальный. В общем, из тех, кому улыбается жизнь. И нечего тратить ее на такую недотепу, как эта Маруся.

Утром Сашу разбудила дочка. Она стояла перед ней в ночной кружевной рубашечке и настойчиво теребила мать за руку.

– Мама, я кушать хочу! – обычно дочь никогда не просила есть, и по утрам всегда ела немного, и ее просьба удивила Сашу.

Она с трудом встала, чувствуя себя приятно уставшей, и пошла с дочкой на кухню. Взглянула на круглые настенные часы и поразилась: уже двенадцатый час. Так долго она никогда не спала. Варить кашу не было времени – малышка смотрела на нее голодными умоляющими глазами.

Быстро подогрев в микроволновке баночку детского питания, дала дочке. Потом потянулась, как довольная кошка и сладко подумала, что она впервые чувствует себя по-настоящему удовлетворенной женщиной.

Потом вспомнился разговор, что предшествовал бурной ночи, и она поняла, что это был просто прощальный подарок. Демонстрация того, каким бы Юрий мог быть, если бы его не загнали к алтарю кулаками.

Она подсадовала, что напрасно затеяла вчера злосчастный разговор, но тут же передумала, сколько же можно унижаться? Прошедших лет вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь. Анюта поела, заулыбалась, и они пошли мыть ручки.

Зашли в ванную, и сердце болезненно сжалось – здесь не оказалось ни зубной щетки Юрия, ни его бритвенных принадлежностей. Она умыла дочь и пошла посмотреть в шкаф. Его одежды тоже не было. Он так спешил убраться отсюда, что даже обошелся без ее помощи!

Саша обошла всю квартиру – его вещей не было. Он ничего не забыл, чтоб, не дай Бог, не возвращаться. Обессилена присела на диван, ожидая всплеска горечи и боли, но в душе царил абсолютная пустота. Она немного подождала – никакой реакции. Вот и случилось то, чего она так страшилась, значит, бояться больше нечего.

В ее жизни скоро все наладится, ведь она независимая женщина с высшим образованием и хорошей работой. Жить тоже пока есть где, да и мама всегда ее примет, если бывший свекор вдруг захочет вернуть свою квартиру. Так что все хорошо.

Начала заниматься привычными делами, прислушиваясь к пустоте внутри и понимая, что это просто шок. Настоящая боль и отчаяние впереди, когда растает сковавший сердце лед, и надеясь, что это произойдет не скоро. Одев дочку, поехала в суд. Подав мировому судье заявление о расторжении брака, позвонила Юрию на работу. Он долго не брал трубку, но после третьей попытки ответил. Буднично сообщила:

– Я подала на развод, как договорились.

Он так же прозаически спросил:

– Когда мне подойти и куда?

Саша спокойно объяснила, и на этом разговор закончился. У нее возникла неприятная уверенность, что он уже вычеркнул ее из своей жизни, и через пару месяцев забудет, как и звали.

Через неделю они уже рядышком, не глядя друг на друга, сидели в кабинете мирового судьи и подтверждали свое обоюдное желание расторгнуть брак. Судья, суровая женщина средних лет, повидавшая в своей жизни достаточно, чтобы определить, что бывший муж искренне рад такому исходу, а вот жена сильно опечалена, попыталась дать им срок для примирения, но молодая женщина, посмотрев на нее полными мольбы глазами, попросила не затягивать процедуру, и судья, недовольно вздохнув, разрешила выдать постановление о разводе сегодняшним числом.

Юрий обрадовался – он не ожидал, что это будет так легко и просто. Дождался, когда секретарь отпечатает постановление о разводе, схватил его и, не глядя больше на бывшую жену, поехал в ЗАГС. Получил там свидетельство о разводе, поставил штамп в паспорте, и снова почувствовал себя молодым, свободным и счастливым.

Через неделю о разводе узнал Евгений Георгиевич. Узнал случайно – заехав в гости к детям и спросив, где Юрий. Саша, побледнев, виновато сказала:

– Я не знаю, Евгений Георгиевич, мы разведись.

Он немедленно вскипел:

– Да что это такое, вот я ему задам!

Жалко шмыгая носом, Саша попросила:

– Не нужно никого ругать, Евгений Георгиевич! Это была моя инициатива. Да вы и сами видели, что у нас ничего не получилось. Это ведь не жизнь была, а каторга. И для него, и для меня.

Свекор посмотрел на бледное лицо невестки и осекся. Помолчав, спросил:

– И что же ты сейчас собираешься делать?

Она мирно пообещала:

– На следующей неделе съеду с вашей квартиры, мама уже готовит нам с Анюткой место.

Он сердито прервал:

– И не думай! Я завтра же оформлю квартиру на твое имя. И живите здесь спокойно. Я насчет денег, тебе ведь тяжело будет одной с ребенком.

Она улыбнулась слегка насмешливой улыбкой. Сразу видно, что он никогда не жил вдвоем на нищую учительскую зарплату.

– Что вы, Евгений Георгиевич! У меня есть деньги. Вы же сами устроили меня в нефтяную компанию, а там приличная зарплата. Не волнуйтесь, у нас всё будет хорошо.

Бывший свекор ушел, а Саша, обняв дочку, долго шептала в пушистые волосики, как будто заклинала судьбу:

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо!

Узнав о разводе, Лариса не смогла скрыть ликования, чем здорово разозлила и без того расстроенного Евгения.

– Но пойми, они же вовсе не пара! Она такая невидная, неприметная, слова умного от нее не добьешься, ни одеться со вкусом, ни поговорить в компании, а уж хозяйка – упаси Господь! Да и во всем прочем тоже Юрию не подходит.

Евгений Георгиевич вскипел:

– А кому пара твой замечательный сыночек? Это ведь ты внушила ему дурацкую мысль о собственной исключительности! Вот увидишь: он тебе еще кровушку попьет со своим сомнением!

Впервые услышавшая от мужа «твой сын», что снимало с него всякую ответственность за воспитание сына, Лариса Львовна даже растерялась. Но, сделав вид, что не заметила прямого укора мужа, практически продолжила:

– Надо подумать, как быть с квартирой. Ты очень мудро поступил, что на свое имя ее записал. Хотя Сашу с ребенком, конечно, нехорошо на улицу выгонять. Но вполне можно ей комнату с подселением подыскать где-нибудь на окраине. Она потом сможет с матерью съехаться, если захочет.

Тяжелым взглядом глядя на жену, муж бросил в нее слова, которые показались ей тяжелее кирпичей:

– Да уж, практичная ты наша! Тебе волю бы дай, ты бы ее на улицу с ребенком выкинула. Она, впрочем, и без того собиралась к матери возвращаться. Но я не так практичен, как ты – я сегодня переписал квартиру на ее имя.

Лариса задыхнулась

– Ну как ты мог! Это ведь очень дорогая квартира! На эти деньги вполне можно было бы купить две двухкомнатные в обычных домах! – и потребовала объяснения: – Зачем ты это сделал? – как будто он задался целью разорить их семью.

Евгений посмотрел на нее так, как будто впервые увидел. Потом сказал с изрядной долей не слышанного ею прежде презрения:

– Ты случайно не забыла, кто в нашей семье зарабатывает деньги, а кто их тратит? Так вот в порядке исключения я решил потратить свои деньги в своих целях. И, если ты так желаешь, я вполне могу оставить тебе эту квартиру, тем более, что записана она на тебя. Она ведь тоже очень дорогая.

Не глядя больше на жену, повернулся и ушел в кабинет, хлопнув дверью.

Лариса Львовна испуганно присела, как будто над ее головой засвистели пули, и прижала руки к щекам. Это было уже серьезно. Это было уже предупреждение, и выполнение заявленного намерения, похоже, было не за горами.

Что же случилось? Неужели Николай не выполнил ее просьбу? Она кинулась к телефону. Николай поднял трубку, понял, кто говорит, и чуть не бросил ее на рычаг. Услышав о разводе и страшной угрозе, только хмыкнул.

– Ну и при чем здесь я?

Лариса тихонько всхлипнула, прекрасно зная, что он не выносит женских слез.

– Я не знаю, что мне делать! Неужели ты не сделал то, что я тебя так просила?

Николай, и без того несколько дней обдумывающий, под каким бы предлогом подкатиться к Наталье Владимировне, сердито поморщился. Вот ведь дурак! Ну почему сразу не сказал, что не будет заниматься этим гнусным делом? Какая глупая ситуация. А если дойдет до Наташи? Он поежился и сурово отчеканил:

– И не думаю я заводить с ней шашни, чтобы потрафить тебе!

Лариса замерла от этой резко произнесенной неприятной фразы. Да что это за день такой сегодня? То муж говорит ужасные вещи, то Николай, до самых пяток известный старинный друг, бонвиван и жизнелюб, вдруг разговаривает совершенно непозволительным тоном. Она

всхлипнула сильнее, и из глаз побежали горькие слезы. Почувствовав ее отчаяние, он стал говорить помягче:

– Пойми, Лора, я не альфонс, чтобы любить за вознаграждение, пусть даже и моральное. И я не думаю, что у Натальи Владимировны и Женьки вообще что-либо было.

Она воспрянула духом.

– Ты всё-таки с ней говорил?

Собеседник неохотно согласился.

– И что, она сказала, что между ними ничего нет? И ты ей поверил?

Он ответил прямо, не считая нужным юлить:

– Поверил. Пока так оно и есть. Но, предупреждаю, что с его стороны всё может быть.

Мне так кажется, во всяком случае.

Она испуганно ахнула, одной рукой держа трубку, другую по очереди прикладывая к горящим щекам.

– Значит, достаточно малейшего поощрения с ее стороны?

Эта мысль не принесла ему удовольствия, но он убежденно согласился:

– Ну да.

Лариса снова тихо заплакала, некрасиво хлюпая носом.

– Тогда он уйдет к ней. Это точно. Он же красивый, обеспеченный, умный. Она же не дура, она свое счастье не упустит!

Николай задумчиво решил, что эпитеты, примененные Ларкой к Женьке, вполне подходят и к его кандидатуре. Но то, что Наталья Владимировна не дура в matrimониальных вопросах, почему-то сильно сомневался. Была бы умной бабой, давно бы замужем была и вертела бы мужем, как хотела. Чтоб прекратить слезливый допрос, сухо добавил:

– Ну ладно, Лариса, у меня своих дел полно. Удачи! – и бездушно положил трубку.

Лариса Львовна, у которой столько накопилось на душе, укоризненно посмотрела на замолчавший телефон. Ей ужасно, до спазм в желудке, хотелось кому-нибудь рассказать о случившемся.

Но вот близких подруг, которые бы не разболтали услышанное, у нее не было. На душе стало так противно, что она подумала: а не сходить ли ей к психотерапевту? Так нужен профессиональный совет – как поступить, ведь Женя ужасно рассердился из-за ее неосмотрительных слов о квартире. И она тоже хороша! Зачем начала говорить о ней? Ведь знала, что он любит внучку, нет, чтобы одобрить все его действия, утешить, поддержать, лишний раз убедить в своей незаменимости!

Где ее хваленая дипломатичность? К тому же развод сына прекрасный повод никогда больше к себе Наталью Владимировну не приглашать. Это одно должно было вселить в нее оптимизм, но почему-то эта светлая мысль пришла к ней только сейчас. Лариса посмотрела на свое отражение в зеркале, такое несчастное и замученное, и признала: – Но ведь я тоже человек! И просто не могу иногда не говорить то, что думаю, не подлаживаясь под другого, пусть даже любимого, человека.

Побрела в ванную, машинально выполнила привычный очистительный ритуал и упала в холод одиноких простыней. Повздыхав, так и не смогла ответить на тяготивший вопрос: что будет, если муж всё же уйдет к Наталье? Как будет жить она, Лариса, бывшая жена, без работы, без денег, без поддержки, в которой так нуждается?

Николай Иванович тоже думал о своем друге и Наталье Владимировне, до сих пор не понимая, что заставляет его волноваться, как мальчишку. Ну не любовь же? Его первая и единственная любовь сгорела в горниле быта, не вынеся тягот семейной жизни.

Его чрезвычайно беспокоил вопрос: не состроит ли из духа противоречия и спортивного интереса его тяга к Наталье Владимировне? Может быть, история повторится, и он просто, как

когда-то, пытается отбить девчонку у друга? В юности он уже выигрывал подобное состязание, но сейчас сильно сомневался в успехе.

И не из-за обаяния и привлекательности старинного дружка, а из-за сложного характера и не по-женски независимого духа избранницы. За Евгения он не беспокоился – чтобы ни произошло, он переживет, к тому же его тылы надежно прикрывает преданная Лариска. А вот он-то что будет делать, если желанный приз достанется другому?

Глава третья

День выдался на редкость тяжелым. Перед обедом обвалилась часть потолка в старом цехе. Повезло, что немногочисленные рабочие, услышав зловещий треск, кинулись к стенам, и бетонная плита, рухнувшая посередине цеха, раздавила лишь пару старых станков. Из здания эвакуировали всех людей, вытащили всё ценное и пустили под нож бульдозера старые стены.

Когда прибыли привлеченные огромным облаком пыли представители МЧС, с огромным трудом удалось сделать вид, что это не обрушение, а плановая реконструкция предприятия, и благополучно избавиться от неприятных разборок и внушительного штрафа.

Цех перевели в пустующие помещения, а на освободившейся площадке готовились ставить новое здание. Находившийся в самой гуще событий Евгений Георгиевич жутко устал и перенервничал, хотя старался виду не показывать.

Николай Иванович, бывший всё время рядом, постоянно поглядывал на него с непонятным недовольством, с каким обычно глядят на соперников. Обсудив создавшуюся ситуацию и получив от заместителя несколько дельных советов, сказанных с неохотой и явно до долгу службы, Евгений Георгиевич не выдержал:

– Колька, в чем дело?

Николай Иванович сделал вид, что не понял.

– Что ты имеешь в виду? Что транспортный цех не справится с нагрузками? Пусть работают в три смены, потом отгулы возьмут, но нанимать со стороны никого не будем.

Евгений Георгиевич зло чертыхнулся.

– Я не о том. Что ты смотришь на меня, как на врага народа?

Николай посмотрел на него младенчески безмятежным взглядом, который и убедил Евгения в черноте его мыслей.

– Что ты выдумываешь? Просто устал, как и ты, кстати. Думаешь, у тебя взгляд нежный и трепетный?

Евгений Георгиевич этой слащавой отговорке ни на грош не поверил, но правды добиваться не стал. Пусть дуется, если хочет. Посмотрел на часы. Одиннадцатый час ночи. Ехать домой или нет? Петра он отпустил, и, чтобы доехать до дома, нужно вызывать дежурную машину из гаража. Может, лучше позвонить домой и предупредить жену, чтобы не ждала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.